

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 15 (2752)

5 АПРЕЛЯ 1980

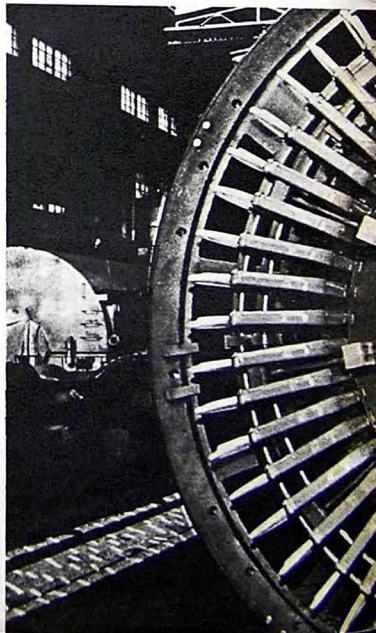
© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

Ордена «Электросилы».

СОРАТ

Сборка статора.

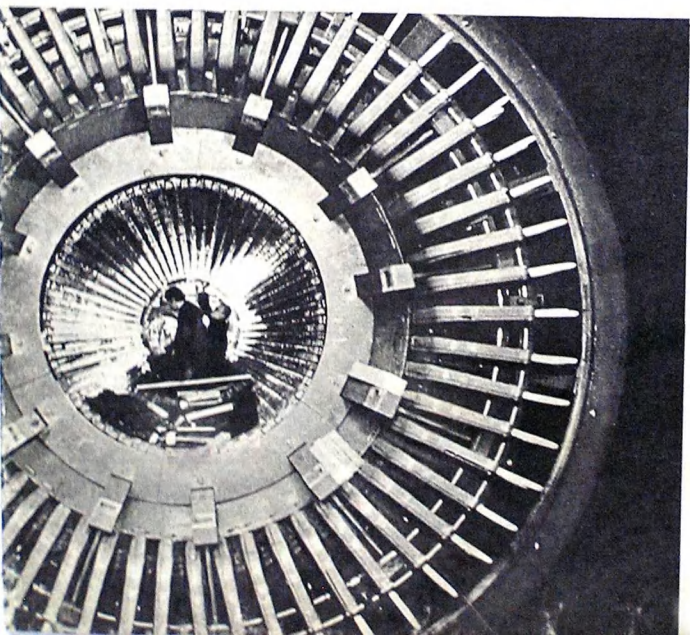

Герой Социалистического Труда мастер Юлиен Адольфович Врублевский.

Пятьдесят лет назад, 6 апреля 1930 года, был учрежден орден Ленина. Сегодня «Огонек» рассказывает о ленинградском заводе «Электросила» имени С. М. Кирова, дважды награжденном орденом Ленина, и о Т. А. Юркине, кавалере ордена Ленина, на котором стоит номер 00016 (см. стр. 4).

НИКИ СОЛНЦА

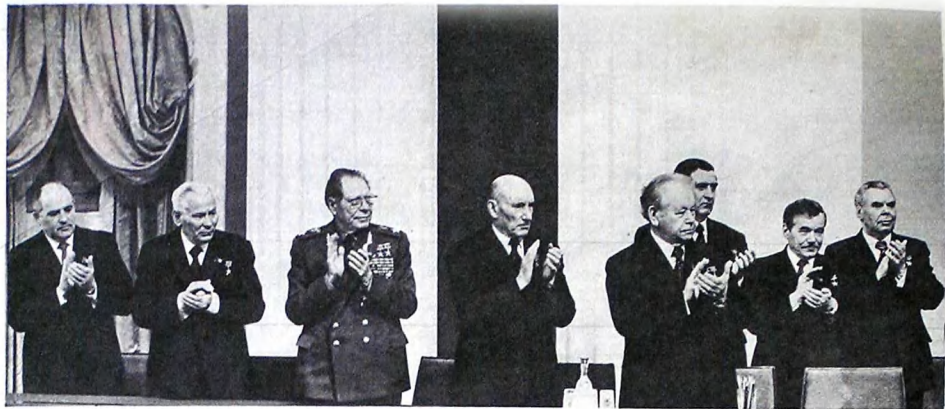
О. ПЕТРИЧЕНКО

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Весной 1930 года, когда Советское государство учредило свою высшую награду — орден Ленина, Юлиан Врублевский был принят на «Электросилу» учеником обмотчика. Но для ученика Юлиан держался не по годам уверенно. Да и в работе проявлял удивительную зрелость. Мастерство, конечно, пришло не сразу, но скоро, знание многих секретов слесарного дела выдавали человека, уже знакомого с теорией и практикой этой профессии.

Его отец, А. И. Врублевский, с четырнадцати лет гнул спину на основателя завода, известного промышленника Снегоса. Из подневольного мальчишки вырос редкий умелец, заслуживший славу первого специалиста по динамо-машинам. Вырос из него и революционер — настоящий боец, прошедший школу подполья.

Все лучшее, что знал и умел А. И. Врублевский, передал он сыну. Впервые познакомил его с заводом, когда Юлиану исполнилось всего восемь лет. И хоть не дожидаясь до светлого часа, когда не гостем, а хозяином при-

Во время вручения.

НЕУСТАННОВОМУ

ВРУЧЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС,

За книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина», за неустанную борьбу за мир Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу присуждена Ленинская премия. 31 марта в Кремле состоялось торжественное собрание представителей трудящихся Москвы, посвященное вручению этой премии Леониду Ильичу Брежневу.

В Свердловском зале — члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, представители партийных, советских и общественных организаций, деятели науки и культуры, передовики производства.

Участники собрания бурными, продолжительными аплодисментами встретили товарищей Л. И. Брежнева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Ус-

тинова, К. У. Черненко, М. С. Горбачева, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, И. В. Капитанова, В. И. Долгих, М. В. Зимина.

В президиум вместе с ними — председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР Г. М. Марков, заместители председателя комитета, члены президиума комитета, видные деятели литературы и искусства.

Торжественное собрание открыл Г. М. Марков. Под бурные аплодисменты участников собрания Г. М. Марков вручил Л. И. Брежневу диплом и знак лауреата Ленинской премии. Собравшиеся стоя, горячими, продолжительными аплодисментами приветствовали товарища Л. И. Брежнева.

Перед собравшимися выступили: участник боев на Малой земле, бывший заместитель начальника политотдела 18-й армии, полковник в

шел сюда сын, в будущем его не сомневался: был уверен, что в заводской летописи династия Врублевских еще будет отмечена не одним добрым словом.

Так и случилось. Уже через год Юлиан отличился при изготовлении первого отечественного электродвигателя для первого отечественного бумажника. Об этом в книге истории «Электросилы» сохранилась соответствующая запись. Столь стремительный рост — из учеников прямо в историю! — характерная примета того времени, отмеченного небывалым взлетом энтузиазма.

Гидрогенераторы Волхова, Сави-рин, Днепра, турбогенераторы на 24, 50 тысяч киловатт, которые постоянного тока для металлургии, мощные рутинные выпрямители — вот лишь краткий перечень дости-

жений «Электросилы». А в 1937 году была одержана победа, вызвавшая шок у зарубежных недругов, без устали кричавших о «наравстве и технической отсталости дикой России». Руками электросиловодов был создан первый в мире турбогенератор мощностью 100 тысяч киловатт. До этого крупнейшим считался действовавший в Бельгии турбогенератор немецкого производства. И вот сенсация: ленинградский завод вышел на ведущие позиции в мировом энергостроении.

На всю страну гремели тогда имена Алексея Стаханова, Петра Крюкова, Марии Демченко, удостоенных высшей награды Родины. Стахановское движение стало символом нового, социального отношения к труду, и в числе первых новаторов «Электросилы» наряду с кузнецом

Е. Т. Мартыховым, токарем Ю. Е. Скоробогатым, инструментальщиком Ф. Ф. Смоловым встречаем и фамилию обмотчика Ю. А. Врублевского.

К тому времени он был уже опытным мастером. Вместе с своим товарищем Николаем Лебедевым организовал одну из первых комсомольско-молодежных бригад, прославившихся победой в споре со стариками-«секретчиками», которые реди высочайших разработок охраняли от посторонних глаз свои профессиональные приемы. Комсомольцы обошлись без чужих тайн. На изготовлении обмотки машины постоянного тока для «Магнитки» они применили свои, самостоятельно придуманные «секреты» и стали выполнять по две нормы за смену. О массовости стахановского движения на «Электросилы», об его отдаче сви-

детельствует такой факт: в 1937 году средняя выработка на человека достигла здесь 147,3 процента. Так завод отпраздновал двадцатилетие Советской власти!

21 апреля 1939 года, отмечая выдающиеся заслуги «Электросилы» в постановке безаварийной работы на электростанциях, успешной организации стахановского движения и освоении производства новых типов энергооборудования, Советское правительство наградило коллектив завода орденом Ленина.

В ответ электросиловоды поставили перед собой еще более дерзновенную задачу: за месяц до начала войны здесь состоялась научно-техническая конференция, созванная руководством предприятия совместно с Ленинградским политехническим институтом. На ней была намечена об-

Фото В. Мусальяна и Э. Песога [ТАСС]

БОРЦУ ЗА МИР

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Л. И. БРЕЖНЕВУ

отставке С. С. Павлов; Герой Социалистического Труда, бригадир тракторно-полеводческой бригады совхоза «Шушский» Албаскского района Целиноградской области М. Е. Довжик; лауреат Ленинской премии, вице-президент Академии наук СССР академик Ю. А. Овчинников; Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии поэт Э. Б. Монастырский.

Слово предоставляется лауреату Ленинской премии, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

Участники торжественного собрания встают и продолжительной овацией приветствуют товарища Л. И. Брежнева.

Заключая свою речь, товарищ Л. И. Брежнев сказал:

— Вся история нашей партии — это служение интересам трудового

народа. Смысл всей деятельности коммунистов — борьба за счастье трудящихся. И, конечно, защита их прав и свобод, закрепленных в нашей Конституции. Весь накопленный опыт, складывающийся международная обстановка, особенно факты последнего времени, обязывают нас держать порою сублим, быть настойчивыми и последовательными в отстаивании дела мира, помнить о своей исторической ответственности за судьбы Родины и всего человечества.

Со своей стороны буду и впредь делать все от меня зависящее, чтобы успешно претворяться в жизнь ленинская политика нашей партии — политика неуклонного повышения уровня жизни народа, обеспечения мира и безопасности страны, строительства коммунистического будущего.

Ради этого стоит жить и бороться, ради этого можно не жалеть ни времени, ни сил.

ширная программа, выполнение которой позволяло советскому энергостроительству стать лучшим в мире.

Нападение фашистской Германии заставило отложить мирные планы. Завод оказался на переднем крае обороны. Трагично, что управлялся теперь за десяти метров до прохода. Кондуктор объявлял: «Конечная остановка». Дальше — фронт!

В самые трудные дни блокады самолеты вывозили из осажденного города быстродействующие автоматические выключатели для управления артиллерией, применяемыми в производстве цветных металлов. Их изготавливали на «Электросиле», и на каждом стоял штамп: «Сделано в Ленинграде в период блокады». Завод жил, отражал атаки врага и трудился во имя грядущей победы.

Несмотря на обстрел, голод, нехватку топлива, сырья, в главное — людей, электросилы в 26-й годовщине Октября выпустили три турбогенератора, десять крупных машин постоянного и переменного тока, 68 быстродействующих выключателей и другие изделия. В мае 1944 года завод «Электросила» был награжден орденом Ленина.

За образцовое выполнение заданий правительства в период Великой Отечественной войны и большие заслуги в деле обеспечения электроэнергией, ведения электростроительства, ведущих отраслей народного хозяйства в послевоенный период 15 апреля 1948 года завод «Электросила» был награжден вторым орденом Ленина.

Для ордена Ленина украинки и грузы потовогого электроси-

ловца Героя Социалистического Труда Ю. А. Врублевского. Их история — уже история наших дней, заслуженная оценка трудового вклада Юлиана Адольфовича и его товарищей в создание Братской, Красноярской, Усть-Илимской, Саяно-Шушенской и других ГЭС.

Сегодня продукцию объединения покупают восемьдесят стран, — с гордостью рассказывает Ю. А. Врублевский. — А в СССР пятьдесят процентов установленной мощности тепловых, шестидесять процентов гидравлических и почти сто процентов атомных электростанций обеспечены генерирующими электрическими машинами «Электросилы». Исполнились и давние, еще довоенные планы: по гидрогенераторостроению, крупным машинам постоянного тока и другому оборудованию объедине-

ние определяет ныне мировой технический уровень. В нынешнем году на Костромской ГРЭС будет смонтирован и пущен в эксплуатацию гигант мощностью в один миллион девять тысяч киловатт. Я вам не просто цифры привожу... Вижу за ними, как мы здесь, в городе Ленина, осуществляем заветы Ильича.

Объединение «Электросила» имени С. М. Кирова — явление во многом уникальное даже в масштабах нашей могучей индустриальной державы. Уникальны и заслуги объединения перед страной. И потому закономерно, что высшей наградой Родины отмечены здесь ассамблеисты человек. Среди них и Герой Социалистического Труда обмотчик А. П. Васильев, товарищ и последователь Ю. А. Врублевского, работающий с ним в одном цехе.

ВЕСЕЛДЦЫЙ...

Б. СМЕРНОВ

Тихон Александрович Юркин, советник при Совете Министров РСФСР, раскрыл папку и положил передо мной sereneйший, согнутый четвертю лист бумаги. Это была обложка журнала «Огонек», вышедшего 13 сентября 1929 года. Фотоиском во всю полосу: несколько человек, столпившись, смотрят прямо в фотоаппарат. Типографская краска стерлась, да и снимок не очень четкий — лица почти не различить.

— Узнаете? — спросил Тихон Александрович. — Вот это Максим Горький у нас в «Гиганте». Рядом — рабочие совхоза, среди них — я.

Нет, узнать невозможно. Краска стерлась, да и тогда... Время безжалостно. Но есть у времени волшебное свойство: высветлять в жизни человека самые яркие дни и надолго закреплять их в памяти. В жизни Т. А. Юркина было очень много памятных дней, но несколько лет работы в совхозе «Гигант» стоят на совершенно особом месте. Рассказывая о себе, Тихон Александрович все время оговаривается: да это «Гигант», а вот это — после... И какие бы большие должности, вплоть до наркома и министра, он позже ни занимал, о нем всегда говорили: «Это — тот самый Юркин, первый директор «Гиганта». И многочисленные награды Тихона Александровича ведут свой счет от ордена Ленина, врученного ему за работу в «Гиганте», — первого из пяти орденов Ленина, заслуженных этим необыкновенным человеком.

— Обо мне писали, что я питерский рабочий. Это неверно. Я коренной москвич, сын извозчика, вырос на Шаболовке и токарному делу выучился на заводе «Броoklyn» — теперь на его месте «Красный пролетарий», а перед самым началом империалистической войны год жил в Петербурге, оттуда и был направлен на фронт.

Такое теперь уже не часто услышишь, чтобы люди начинали рассказ о биографии «с империалистической». В свои воспоминания да года Тихон Александрович помнит все подробности того времени. Обучение минному делу в Луге. Служба в частях, которыми командовал знаменитый генерал Брусилов. Революционные события. Приезд в Москву в составе солдатской делегации. Потом работа в военных обзонах материала.

Когда начался голод, я как военный человек был включен в продотряд. Тогда-то, в двенадцатом, я впервые Оренбургским с сельским хозяйством. Перенес да тифа — сыпной и возвратный, а по выздоровлении меня командировали уже как знакомого с сельским делом, в Самарскую губернию, в рабочую лубную инспекцию. Потом работал в Наркомпрод, Наркомземе, был политкомиссаром в одном из первых совхозов — «Континентальном», ездил в Оренбург, чтобы проверить, как закупают лошадей для Красной Армии... Жалеть себя не приходилось, и конечно этот этап моей серьезный заблуждением. Врач сказал: если хочу жить, должен уехать на Кавказ. Ничего не оставалось, как отправиться в распоряжение Северо-Кавказского крайкома и получить назначение — сначала управляющим совхоза «Красный утор», потом директором совхоза «Хутор».

Тихон Александрович вынимает из стола стопку машинописных листов.

Обложка журнала «Огонек» за 1929 год.

Т. А. Юркин.

Фото И. ГАВРИЛОВА

— Вот, хочу подготовить к изданию свои заметки — зачем и как был создан зерносовхоз в июне 1928 года, а его день рождения в июне 1928 года, а в здесь пишу, что еще в марте комиссия специалистов поехала осматривать земли будущего совхоза. Помню, не было показывать комиссию черномор, вокруг этого черноморы шли тогда горячие споры. Дело в том, что ЦК партии предполагал создать в Донском округе крупное зерновое хозяйство, некоторые специалисты считали, что земли в Сальских степях использовать под зерновые культуры нецелесообразно. Кто я был против них? Ничего сказать.

земледельца. Но зато я хорошо знал, на что способен совхоз: еще «Континентальский» меня многому научил, а работа в «Хутор» убедила, что только по-настоящему крупным хозяйством можно покорить ценнейшую черноморскую степь. А специалисты ориентировались на опыт единоличников, которые такое дело было не под силу. И еще — для нас, сторонников создания совхоза, могучей опорой были ленинские слова на VIII съезде Советов в 1920 году, когда он говорил о донской земле и о тракторах — важнейшем средстве лопки старого земледелия. Короче говоря, не знаю, всех ли специалистами, всех одной мее, но доводы, но хорошо помню, что там, в степи, секретари крайкома партии внимательно на меня посмотрели и напрямую спросили: «Если примем решение создавать совхоз, беретесь взять все это дело на себя? «Берусь!» — в ту же секунду ответил я. Так и решился моя судьба.

89 страниц текста, исправленного остро-конечным, слегка волнистым почерком. Это не повести и не мемуары, это деловые заметки о своем, я бы даже сказал, отчаянно смелом эксперименте партии в период коллективизации. И не только в области сельского хозяйства, но и в области экономики, психологии... Была ведь даже комиссия из Москвы, из Зернотреста, которая все осматривала, все одобрила, но непосредственно кто сказал: «Провалились ты, Юркин!» А Юркин знал, что делал, знал и верил.

Он начинал на пустом месте, в степи, с колышки. И ему стали приезжать по направлению комсомола молодые, горячие ребята. И возник в степи палаточный городок. Самый первый или один из самых первых! Сплотить незнакомых людей, подчинить всех одной мее, пришить к неизбежным трудностям нелегко и сейчас, а ведь тогда у создателей совхоза не было абсолютно никакого опыта. И тогда не было ни денег, ни техники в руках не держали, а им предстояло облагораживать совхозную землю тракторами. И все смотрели на «гигантов» — один с надеждой, другие с неверием и со злобой. Не забывало, шел 1928 год.

Тихон Александрович сам размечал землю для совхоза — огромную территорию, размером с много государство. Строил усадьбу совхоза, организовывал курсы трактористов, создавал бригады...

— Тракторы тогда выпускались без фар, и для ночной работы мы подвешивали на них впереди шатерские лампы накаливания. Горючее часто подвозили на лошадах...

Т. А. Юркин, конечно, был не одинок в создании «Гиганта», и в его руках целая страница отведена только перечислению самых главных и самых деятельных соратников директора.

— Тихон Александрович, говорят, в вашем распоряжении был самолет?

— Нет, это легенда. О нас тогда много рассказывали и били и небили. Все, что делалось в совхозе, было не только новым словом в земледелии, «Гигант» стал лупом пропагандистом политики партии в сельском хозяйстве.

Вся страна влезала за сельскую новостройку — в палаточный поселок потоком шли группы строителей, промышленников, инженеров, подарков. Прибыли сотни тракторов «Интернационал», «Оль-Пуль», «Джон-Дир», «Катер-Пиллар» и другие марки, прибыли купленные за валюту комбайны, сельхозмашины. Провалились, как предкевали малорез, «Гигант» просто не мог: поружкой тома была крепнущая мощь государства, воля партии. Впрочем, все это нельзя разводить, на что же, как не из центров зрелища, тонн стали, умелых человеческих рук, рождается эта мощь...

Сегодня история знаменитого совхоза «Гигант» в Ростовской области — это история более полувека. Но еще 3 октября 1930 года его первую директорию Тихону Александровичу Юркину был вручен в Кремле орден Ленина — первый орден, который тогда, что эта бесконечно дорогая каждому советскому человеку награда особая знаменательна для Тихона Александровича еще и тем, что на его ордене в 1930 году 16-го августа был награжденным в год учреждения ордена, был один из первых кавалеров этого ордена — великая честь!

ДЛЯ МЕНЯ БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ

Илья ГЛАЗУНОВ

В резиденции Генерального секретаря ООН в Нью-Йорке состоялась торжественная церемония передачи Курту Вальдхайму его портрета, написанного известным советским художником Ильей Глазуновым. Портрет является даром Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций от Советского правительства. Корреспондент журнала «Огонек» В. Дунаев встретился с художником, только что прибывшим из Нью-Йорка, и попросил рассказать, как создавался это полотно.

— Еще три года назад я получил приглашение Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма написать его портрет: согласно традиции ООН, создается портрет каждого Генерального секретаря этой организации. Узнав о желании Курта Вальдхайма, Советское правительство решило, что написанный мною портрет будет даром Советского правительства Организации Объединенных Наций.

Работая над портретом, я хотел выразить мое уважение Генеральному секретарю ООН, который прилагает много усилий для поддержания мира и международной безопасности и для сближения народов и их национальных культур.

— Как проходила работа над портретом?

— На следующий же день после приезда в Нью-Йорк я начал работу над портретом. Я приходил в старый особняк, которых так мало в Нью-Йорке. На стенах комнат я увидел пейзажи Коре и Ренуара.

К. Вальдхайм — худощавый, высокий человек, у него острый взгляд, умные голубые глаза. Человека большой культуры и широкой, многогранной эрудиции.

Работа над портретом проходила в трудной и даже сложной обстановке. Генеральный

секретарь занят очередными и неочередными заседаниями, часто совещания прерываются телефонными звонками. Делались перерывы, после чего К. Вальдхайм приходил озабоченный и извинялся, что был вынужден прервать работу художника.

— Предстоит ли в ООН новая работа для вас?

— В здании ООН в двух первых этажах расположено музей искусств. Здесь собраны многочисленные произведения искусства, подаренные художниками и правительствами разных стран. И для меня является большой честью предложение, высказанное К. Вальдхаймом, о предоставлении мне степени в одном из центральных холлов здания для росписи на тему «Вклад народов Европы в мир, культуру и цивилизацию». Это очень ответственная работа, которая потребует большого творческого напряжения для раскрытия темы, охватывающей многовековую и многонациональную сокровищницу европейской культуры, где должны быть представлены: Данте и Шекспир, Моцарт и Бетховен, Диккенс и Достоевский, Толстой и Балзак и т. д. — словом, все то, что является понятием цивилизации и культурного наследия нашей планеты. Срок представления эскизов — сентябрь месяца.

— Раскажите о работе портретиста?

— Задача портретиста всегда очень трудна. Художник-портретист должен почувствовать внутренний мир человека, а бы сказать, музыку его души, дать свою оценку личности человека. При этом, само собой разумеется, если портрет не похож — это не портрет. Словом, задача самая сложная, требующая максимального напряжения сил и ответственности художника. Я лично считаю, что нет нейтральных лиц — каждый человек имеет свое «Я», свой характер, свою душу, и потому портрет является произведением, являющимся формой гуманизма. Мне кажется, что каждый художник, в том числе художник-портретист, должен попытаться и почувствовать традиции русского и европейского портрета.

Во время церемонии передачи портрета. Слева направо: Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм, посол СССР в США А. Ф. Добрынин и И. С. Глазунов.

— Что вы вкладываете в понятие «портрет»?

— Уходят цивилизации, гаснут государства, меняются исторические формации человеческого общества. Очень часто мы имеем понятие об ушедших временах через портреты людей, живших в тот исторический момент, и потому история портретного искусства — это много случаев истории человечества.

Франсиский портрет, римский портрет, портреты Веласкеса, Гойи, Тициана, Ванديка, Рубенса являются для всех нас бесценными эталонами реализма в самом смысле этого слова.

— Ваши ближайшие планы?

— В настоящее время я заканчиваю работу над росписью холла ЮНЕСКО в Париже. Работа ведется по приглашению секретаря ЮНЕСКО. Это панно размером 3х7 метров. Одновременно заканчиваю последнюю работу из цикла «Куликовская битва», 600-летие которой — знаменательное для всего мира событие — мы будем праздновать в сентябре этого года. Летом я продолжу работу над циклом «Братья Карамазовы» — эпопеей произведения Ф. Достоевского.

Петр Устинович БРОВКА

Советская многонациональная литература понесла большую утрату. На 75-м году жизни скончался выдающийся советский поэт, народный поэт БССР Петр Устинович Бровка — депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КП Белоруссии, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, академик Академии наук БССР, секретарь правления Союза писателей БССР.

Жизненный путь и литературное творчество Петра Устиновича Бровки были неразрывно связаны с судьбами родины и советского народа. Его вдохновенные произведения поэзии, прозы, публицистики пронизаны глубокой верой в победу ленинских идей, любовью к нашей социалистической Отчизне, несут высокий заряд партийности, социалистического интернационализма и патриотического патристизма.

Родился Петр Устинович Бровка 25 июля 1905 года в деревне

Путликович Ушеского района Витебской области в бедной крестьянской семье. На его златых жизненных пути — от комсомольского секретаря, председателя сельсовета в первые годы Советской власти, литератора-фронтовика, пламенного публициста в годы Великой Отечественной войны до руководителя высшего органа культуры республиканской организации республиканского Союза писателей БССР, видного ученого, выдающегося общественного деятеля — П. У. Бровка оставался верным сыном Коммунистической партии, убежденным марксистом-ленинцем, литератором высокого гражданского пафоса и долга.

Широкую известность получили стихи и поэмы военных лет П. Бровки, его книги поэзии: «А дни идут...», «Всегда с Лениным», «Среди красных рубин», роман «Когда сплывутся реки», повесть «Вместе с комсомолом».

Его произведения, переведенные на языки народов СССР и

многих зарубежных стран, несут миллионы читателей правду о советском человеке, о социалистическом образе жизни, о славной истории и сегодняшнем дне нашего народа.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги П. У. Бровки, присвоили ему звание Героя Социалистического Труда, наградили 4 орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов, другими орденами и медалями.

Произведения П. У. Бровки служат и будут служить делу коммунистического строительства в нашей стране.

Светлый образ выдающегося писателя, человека большого сердца, искрометной души, большого богатства, высокого творческого горения навсегда останется в памяти народа.

М. А. Сулос, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, И. В. Капотов, М. В. Зымыкин, Г. Я. Киселев, И. Е. Поляков, А. А. Аксенов, В. Ф. Шаданов, В. Г. Афанасьев, А. Е. Енин, С. Г. Лапин, Б. Н. Пастухов, Б. И. Стукалин, М. П. Гордеев, Г. М. Марков, В. И. Бровко, А. Т. Кузьмин, В. Ф. Мишкевич, В. А. Минькин, С. М. Шабанов, П. П. Бакан, А. А. Беляев, Ю. И. Верещко, Н. М. Грибачев, С. М. Шабанов, В. Ф. Шаданов, А. М. Леонов, Э. Б. Мелькаллит, С. В. Михалков, С. С. Нарочетов, М. В. Озеров, Б. Н. Полонев, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко [М. Таня], Ю. И. Суворов, С. А. Суворов, А. В. Чаковский, О. Н. Шестинский, М. А. Шолохов, А. Н. Тихонов, К. Крапивин, А. Б. Борisenев, Г. И. Бородин, В. В. Быков, А. Е. Макаенко, П. Е. Панченко, И. П. Шамякин.

ДЕНЬ, КОГДА ПРИШЛА СВОБОДА

Корнель ХАЙНАЛ,
главный редактор журнала
«Оргас-вилагг»

4 апреля 1945 года. День освобождения Венгрии. Мне шел тогда 22-й год. Это значит, мы были уже достаточно взрослыми, чтобы на собственном опыте узнать жандарменские порядки полуфеодалально-полукатолической Венгрии и понять, что такое режим Хорти. Стород грабителей в черных мундирах с фашистскими повязками решал судьбы сотен тысяч людей. Человеческая жизнь в моей стране в ту пору не ставилась ни в грош, а гуманизм считался проявлением слабости.

Среди моих сверстников нашлись и такие, которые увлек с собой этот грязный поток. Но большинство я знаю и потому утверждаю что — большинство осталось людьми! В те решающие дни они сумели найти способ оказывать сопротивление бесчеловечной фашистской войне: помогали преследуемым, слушали запрещенные радиопередачи, распространяли полученную информацию. Из наших рядов вышли люди, которые вопреки свирепым угрозам отказывались служить на стороне Германии и с оружием в руках боролись против нацизма; из наших рядов создавались красные батальоны, которые впоследствии перешли на сторону Советской Армии — вспомните Будапештский добровольческий полк.

И он настал, этот день! Уже тридцать пять лет 4 апреля — красная дата в венгерском календаре. Да сколько бы лет прошло, мне не забыть всеобщий энтузиазм и вдохновение, единый горячий порыв: прочь, мрачное прошлое! Да здравствует новое общество, новая Венгрия!

На квартире у моих родителей жил молодой советский офицер. Сколько интересного, нового он рассказывал о Советском Союзе, об армии, которую мы с такой надеждой ждали, о советских людях, об их стремлении к миру. В его руках я впервые увидел партийный билет, из его уст впервые услышал о ленинских тезисах революции. Он спас мою тяжелобольную мать: приносил каждый день молоко, иногда даже мясо, делился своим хлебом. А мне, тогда только вступающему в самостоятельную жизнь, он открыл новый мир. Мир, которому принадлежало и мое будущее.

Вы скажете — это только мои, личные впечатления. Но подобное повторилось в масштабе всей Венгрии. Стала легендой фигура советского солдата, раздающего хлеб голодающим, распахивающего вместе с венгерскими крестьянами разоренные войной поля. СССР предоставлял Венгрии тысячи тонн продуктов, машины — и это в то время, когда миллионы советских людей голодали, не имели крыши над головой.

СССР первым признал новую Венгрию и в 1948 году заключил договор о дружбе и сотрудничестве, вызвавший страну из послервальной международной изоляции.

Отсталая, полуфеодалальная Венгрия превратилась за 35 лет в промышленно развитое государство, завоевала международный авторитет. Без использования огромного опыта Советской страны за столь короткий срок это было бы невозможно. Сотрудничество с Советским Союзом и сегодня мощный импульс к повышению уровня венгерского народного хозяйства. Они неотделимы — советская помощь и самостоятельный труд венгерского народа, его социальные устремления, его высокий энтузиазм. Это пример братской международной связи, присущей лишь новому, социалистическому миру. Л. И. Брежнев сказал при посещении Чешского комбината: «...Когда мы объединяем свои усилия, то в итоге выходит не простое сложение, а умножение сил».

35 лет назад на нашу землю пришла свобода. Как распорядится ею, зависело от каждого из нас, от партии коммунистов, которая с самого начала боролась с фашизмом и с первых минут после освобождения стала общепризнанным руководителем страны. Я с гордостью думаю, что ее социалистические нашими освободителями, попали в плодородную почву. Не напрасная была смерть советских солдат, погибших в боях с фашизмом.

Тогдашние двадцатилетние стали учеными, преподавателями, инженерами, бригадирами, писателями и журналистами, офицерами, Историю Венгерской Народной Республики — это их биография.

Без хвастовства скажу — я тоже из их числа. И до последних дней буду благодарен тому советскому офицеру, который три с половиной десятилетия назад открыл для меня Советский Союз. Мы и сейчас дружим, иногда встречаемся, у нас общие заботы, и радуемся мы одному. Оба мы уже дедушки. Но теплые русские попятые весной 1945-го и наша сегодняшняя дружба времени неподвластны. Они будут жить и после нас, в наших детях и внуках.

ФРГ

В ЗАЩИТУ ИДЕАЛОВ

1 На красочных плакатах — олимпийский Мишка и надпись: «Да — Олимпиаде-80 в Москве!». Большое количество таких плакатов и листовок распространено в Дортмунде и других городах ФРГ участниками широкого общественного движения ФРГ в поддержку Олимпийских игр нынешнего года. «Проводимые президентом противоречия олимпиадным и конфронтации противоречия олимпиадным идеалам», — говорится в воззвании движения. В ФРГ ширится движение против попыток администрации Картера организовать бойкот летних Олимпийских игр в Москве. Представители спортивной общественности, а также видные политические деятели земли Бремен провели собрание в поддержку Московской Олимпиады. Выступившие на нем ораторы подчеркнули, что участие западноевропейской олимпийской команды в Играх в Москве является очередным шагом на пути упрочения процесса разрядки в Европе. И наоборот, подчеркнули выступившие, бойкот олимпийским играм повлиял бы на другие области отношений между странами Востока и Запада.

САЛЬВАДОР

ПРОТИВ

2 В Сальвадоре обстановка накалена до предела. Попытке идти по пути террористов из ультраправых группировок погнать мирные жители. Прогрессивные силы требуют демократизации страны, положить конец репрессиям, провести земельную реформу.

Правые спешно вооружаются, создают банды, которые совершают злодеяния, убивают своих противников. ОРДЕН (так называется их патристическая организация) насчитывает, по оценкам прессы, 60 тысяч головорезов. Его основатель генерал Медано, который тесно связан с ЦРУ (его из-за амнистии и наградации он был в забвении), вновь всплыл на поверхность и координирует действия ОРДЕНА. Ныне он частный гость американского посольства.

Патристическая развязала настоящую охоту на патристов Сальвадора. Гремят выстрелы, взрывы бомб, летит кровь. Медано реакционером в мир застрелил в черном во время проповеди главу католической церкви страны Оскара Ариасе Рохо, чья деятельность была за свои выступления в защиту обездоленных и угнетенных, против вмешательства американского империализма во внутренние дела страны.

Соединенные Штаты проявляют особый интерес к Сальвадору. Подобно тому, как политика США в Латинской Америке была направле-

НИДЕРЛАНДЫ

ТАНКИ НА

3 Атака началась на рассвете. В небе кружили вертолеты с целью координации действий. Танки, броневики и 1100 полицейских ринулись по улицам, чтобы захватить район, прозванный жителями «свободной республикой Амстердама». С помощью бульдозеров и танков полиция сокрушила сопротивление, соорудив на минах, переворачивая паровозы скамеек и опрокидывая машины. Замечания отсутствовали. В результате этого сражения 37 полицейских и 50 обороняющихся были ранены.

Это были самые крупные военные действия в уличных Амстердаме со времени второй мировой войны. Что явилось причиной этих столкновений? В крупномешном городе страны Амстердаме около 150 тысяч человек не имеют крыши над головой, а в то время как тысячи домовладельцев в Амстердаме, что стоимость жилья в них не по карману даже довольно состоятельным голландцам. «Спекулян-

CSA

ПРЕСТУПНЫЙ

4 Организованная преступность все активнее проникает в экономику развитых стран. Она забрасывает крики в такие области, как торговля наркотиками, банки, и даже на фондовый биржу. Гангстеры, которые в свои руки контроль над каноном-близкой фирмой или того, кто может потратить деньги, производят впечатление, что незаконно полученные доходы могут использоваться в законных случаях гангстеры проникают в компанию, захватывают ее капиталы, приводят ее к банкротству и исчезают.

ОЛИМПИАДЫ

Участники спортивной конференции, состоявшейся в Гельзенбюрге, заявили, что решение Международного олимпийского комитета о том, что летние Олимпийские игры 1980 года должны состояться в Москве в назначенный срок, говорит за себя. Выступившие в ходе дискуссии известные западногерманские спортсмены, тренеры выразили решительный протест против политических махинаций США в области международного спорта.

«Четырехлетняя подготовка спортсменов к Олимпийским играм всегда связана с огромным напряжением сил. Кроме того, — и это исключительно важно, — Олимпийские игры служат сближению и взаимопониманию народов. Вот почему мы отвергаем всяческие призывы к бойкоту, с помощью которого президент Картер надеется нанести себе политический капитал в ходе предвыборной кампании в США», — заявили они.

На снимке: демонстрация в защиту Московской Олимпиады в Дортмунде.

Фото А. Бочинина

ОБОРСТВО

на то, чтобы не допустить появления «второй Кубы», так и сегодня цель латиноамериканских стратегов Соединенных Штатов состоит в том, чтобы не допустить «второго Никарагуа», пишет журнал «Нэйшн». Опоздав в своих попытках остановить перерастание народной оппозиции Анастасио Сомосе в Никарагуа в революцию, американские официальные лица твердо намерены предотвратить аналогичный взрыв в соседнем Сальвадоре. Для этого Вашингтон не жалеет ни сил, ни денег. Сумма американской помощи уже превысила 55 миллионов долларов. Репрессии и террор резко усилились вскоре после прибытия в страну 35 американских «советников по противобандитской борьбе».

Один из руководителей Народных сил освобождения Умберто Гонсалес заявил, что существует реальная угроза военной интервенции США. Для такого заявления есть основания: у берегов Сальвадора происходит сосредоточение военных кораблей США с морской пехотой на борту. В ряде районов Сальвадора строятся новые военно-полицейские лагеря, способные принимать тяжелые самолеты.

На снимке: арест патриотов в Сан-Сальвадоре, столице страны.

УЛИЦАХ ГОРОДА

ты — вот причина нехватки жилья, — говорит один из жителей города, — у них есть дома, но они предпочитают держать их пустыми, пока не найдется богатый иностранец». Уже много лет население ведет борьбу со спекулянтами. Молодежь создала специальные мобильные группы, которые окрестили «взломщиками». Они явочным порядком занимают пустующие дома и вводят их обороту.

Когда наряд из 200 полицейских попытается выселить «взломщиков» тремя днями ранее, молодые люди быстро обратили их в бегство, забросав камнями. И вот теперь, после очередного побоища, объединенными усилиями армия и полиция оккупировали «свободную республику Амстердам».

На снимке: танки, а за ними полицейские идут на прорыв.

3

По материалам зарубежной прессы

БИЗНЕС

Официальные лица заявляют, что мафия держит в своих руках транспортные компании, предоставляющие автобусы для перевозки нью-йоркских школьников. За эту службу городские власти платят ежегодно 200 миллионов долларов. Мафия скупает участки земли вокруг недавно устроенных казино и устанавливает контроль над барами, ресторанами, отелями.

На снимке: ставки на рулетке растут, у мафии — тоже.

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

4

М. Савицкий. Род. 1922. ХЛЕБ НОВОГО УРОЖАЯ. 1979.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР

А. Левитин. Род. 1933. ВЕЧЕР В САЯНСКИХ ЧЕРЁМУШКАХ. 1979

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР

Я ОПЯТЬ ВОЗВРАТИЛСЯ В ЮНОСТЬ

Максим ТАНК

Прописали покой
И какие-то капли,
Запретили ходить...
Но что я вынул!
Сорвался с кроко мой шапка,
За ней покинул вешалку плащ,
А за плащом
Тихо двинулся к дверям
Мои старые друзья —
Дорожные посох
И стоптанные сапоги.
Куда это они?
С трудом достал их
На знакомой дорожке,
Ведущей к Нарочи.

У меня и у реки
Одна судьба.
Только я, плывя к небосводу,
Могу одновременно двигаться
И против течения.
Вот и сегодня
Я опять возвратился в юность.
И слышу
Давно отзвучавший
Звон рассветного жаворонка
Над полевой дорожкой.

ВЕРНОСТЬ

Должно быть, ваятель, который
Запечатлел ее в мраморе,
Клятвою обещал,
Что скоро к ней возвратится.

Пробегали дни,
Прошли месяцы,
Прошествовали годы.
Она неизменно ждала.

Даже когда надрывались
Сирени воздушной тревоги
И все устремлялись в траншеи,
Пускались в бомбоубежища,
Она, как положено верным,
Оставалась на месте.
Когда уходили многие
Из горящего нашего города,
Она не спешила к вокзалу,
Не желала эвакуации.

И даже когда захватили
Закричали ей: — Хейде хой! —
И автоматной очередью
Полоснули ее по груди,
Она в глаза им глядела,
Не поднимая рук.

Не зря к постаменту статуи,
К ногам бессмертной богини
Кто-то клалет ежедневно
Свежую розу.

Разумнее всех многогрудый дуб,
Которого не могут обмануть
Нетерпеливые скворцы

или жаворонки,
Побуждающие его зазеленеть
преждевременно,
Подобно березам и вербам,
Как я, легковверный.

О, сколько раз
Неожиданный северный ветер
Остужал их листву
И мон нотки!
Но и сегодня
Мы, как прежде,
Раньше других
Встречаем весну.

На счастливом месте
Стоит наш дом —
Пять дорог расходятся
От его порога,
Пять дорог встречаются
У его крыльца.

Одна ведет на Восток,
К материнскому полу России,
Другие — к четырем
Любимым сестрам:
К Украине, к Литве,
К Латвии, к Польше.

Пять дорог дымятся,
Когда гости едут
В памятную пору,
В праздничные дни.

Пять буханок хлеба
Мы гостям выносим
На пыльных, расшитых
Тонких рушниках.

Пять застольных песен
Вторят песни нашей,
Пять застольных песен
О большой родине.
На счастливом месте
Стоит наш дом.

Дожди идут затем,
Чтоб всплеснули ручьи,
Лука цветут, чтоб вновь
Вспорхнули пчел рой.

Свет солнца дан Земле,
Чтоб колосилась вся,
Чтоб в жизни мы с тобой
Не разлучились.

Дождям и солнцу рад
С милосердием времен,
Где я и не встречусь им,
Отавешу им поклон.

ВЕСНОЯ

Асфальт. Асфальт. Асфальт.
Я чуть не забыл,
Что еще существует живая земля,
По которой проползало
Мое босиком отрочество.
И вдруг сегодня
Послышался мне
Чей-то знакомый голос,
Остановился.

А это,
Пробия асфальтовую твердь,
Зеленая весенняя трава
Мне шепочет весна.

АННА

Тебя б давно назвали
Известные поэты
Богиней, чарошницей,
Офелией, Джульеттой.

Я рад, что ты зовешься
Совсем обычно — Анна,
Что в сердце, словно эхо,
То имя — не престанно.

И в час, когда идешь ты
С полем, пропахнув мятой,
И в час, когда смолкает
Твой шаг, почти крылатый.

Я рад, что ты со мною,
Обычная, земная,
И не отдашь тебя я
За все посулы рая.

Успоились —
Не волноваться,
Не сердиться,
Не ревновать,
Когда кто-либо из нас
Задержится на работе
Или у друзей.

Хотя уже полночь,
Я впервые чувствую себя
Как хорошо.
Не о чем беспокоиться.
Только никак не найду
Нужные таблетки.
Куда же подевался
Валидол!

Правда бывает не очень приго-
воя, босая, она некажиста на вид.
А кривда, выхолощенная, ужожен-
ная,
Как нож убийцы, блестя.

Можно спастись от стужи,
Разложив костер,
От ливня,
Укрывшись под навесом,
От гриппа,
Приняв соответствующие таблетки,
От несправедливости,
Обратившись в суд,
От землетрясения,
Выбежав из дому.
Но никто не знает,
Как уберечься
От безжалостности раскисителей
времени —
Многосерийных фильмов.

Когда потоки будут
(А они порой любят этим
заниматься)
Подсчитывать, сколько раз я
ошибался

В любимых, в друзьях,
В направлении дорог,
Пуская утуть:
Жизнь человеческая
Так ошеломляюще коротка,
Что на исправление ошибок
Уже не хватает времени.

— Я царь. Могу, — хвалился Меч, —
Снять голову любую с плеч.
— А я Стило. Могу убить.
Но ведь могу и воскресить.

САМОКРИТИКА

Я знаю, что страшно отстал
От запросов нашего времени:
Дольше всех донашивал широчен-
ные брюки,
Последним голосовал за мини-
юбки,

Я и понимаю еще не усвоил,
Как надо завязывать модный
галстук.
Не отстрелил и длинных волос,
Не научился мгновенно менять
свои взгляды,
Обладая старым пороком сердца,
Продолжаю писать
в реалистическом стиле.

Поэтому вам и незачем
Слушать меня.

Было одиноко
В моей конуре,
Пока не прилетела птица,
Напомнившая о тебе.

Было глухо во всем городе,
Пока не послышалось
Таин шаг на крыльце.

Было холодно
На всей земле,
Пока не появилась ветер
С твоей стороны.

Было сумрачно
Во Вселенной,
Пока ты не положила ладони
На мои глаза.

Спокою веку
Исчисляем галактики
И пока что нигде,
Кроме нашей Земли,
Не обнаружили
Признаков жизни.

Но если и вправду
Человечество так одиноко
В бескрайней Вселенной,
Как же должны мы с тобой
Дорожить нашей дружбой!

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Марк БАРИНОВ

ФОРМУЛА ПОБЕДЫ

У педагогов существует такое понятие — качество знания: это процент всех «хорошистов» и «отличников» от общего числа учащихся. Два года назад у костровцев он составлял 19 процентов. Поэтому школа и занимала то самое «хорошее» место. Прошлый учебный год закончили гораздо лучше — 36 процентов, а к концу нынешнего выходят на еще более высокий рубеж. Сравните: школа — рекордист страны имеет показатели качества 50 процентов.

И. Выбирова была такая вот схема: четыре года назад, в день открытия XXV съезда КПСС, начала свое существование производственная бригада костровской средней школы. Далее, два года шла упорная борьба за становление новых форм взаимоотношений: «учеба — производственный труд, школа — союз, детская беззащитность — взрослая ответственность и т. д. Шла, говоря военным языком, большая перестройка сил перед стратегическим наступлением. Внешне все оставалось по-прежнему, только трудностей прибавилось: да мальчишки впереди все те же 19 процентов. А потом начался стремительный рост — в становлении бригады, во взрослении неразумных экспериментов, как следствие, взлет в усвоении школьных наук.

Как же все это происходило и происходит? Прорастание психологии трудовых отношений, члены бригады в трудовое отношение к занятиям идет разными путями. И прямым, так сказать, воздействием: «Имидж, комиссар может быть трюномиком», — заметила как-то Наталья Федорова. И комиссар этого оказался вполне достаточно, чтобы быстро и решительно перестроиться. Ведь и в самом деле, не имеет права комиссар быть трюномиком!

Но прямые назначения в общественности и не требовались. Очень сильно действовало то, что, работая на ферме, ребята остро ощутили, как серьезно, с какой отдачей приходится трудиться человеку,

чтобы достигнуть хороших результатов. И как глубоко презирает рабочий коллектив подлости и лентяев. Такая трудовая психология, естественно, проецируется на отношение к любому делу, в том числе и к учению.

А еще школьники столкнулись с совершенно неожиданным для них законом: с уважением взрослых к их «ученичеству». Ведь большинство совхозных рабочих учились в те времена, когда у нас в стране еще не было всеобщего полного среднего образования. Имея за плечами от четырех до восьми классов, они гордились своим юными товарищами и глубоко уважали их и за знания и за отношение к труду.

Руководство совхоза тоже относится к школьникам-работам по особому уважительно. Совет бригады и школьный комитет комсомола вполне на равных обсуждают с директором совхоза жизненно важные для дела вопросы.

Так возник в школе новый психологический климат, более серьезное и ответственное отношение к учебе на каждом этапе обучения.

Итак, открытие костровцев, сразу поднимающее их школу на новый уровень, заключается прежде всего в сложении школьного успеха в постоянный ритм производственных отношений, со всеми вытекающими отсюда психологическим, экономическим, правовым последствиями.

Но, заметим сразу, это вовсе не значит, что ребята прямо со школьной скамьи запретают в производстве, заставляя их выполнять наравне со взрослыми полный трудовой день.

Производственная бригада — это комсомольцы, то есть все учащиеся восьмых, девятых, десятых классов. Кстати, любопытный штрих: недавно представительница министерства провела школу спросила восьмиклассников с никимом: «А бригада у вас добровольная? Мы говорили за нею. Ответ был таков: «Нет. Зачем нам за нее голосовать? За бригаду голосовали наши старшие товарищи, когда начинали дело. Теперь бригада — это комсомольская традиция!» «Каким они у вас раскованные в обращении! И все, как один, стоят за бригаду!» — заметила потом старшая дама Мартыновой. «Именно такими бригада и в воспитатели!» — отвечает Наталья Федорова.

Так вот, производственная бригада насчитывает примерно девяносто — это школьников. Работают они звеньями, по четыре человека. Утром и вечером. Утренняя смена — два мальчика и две девочки из девятого класса, а также мальчик и девочка из десятого и мальчик и девочка из восьмого. Дежурство этой пары звеньев продолжается неделю,

затем на вахту заступает другая пара таких же звеньев. Работа, выполняемая ватными, — это норма одной телитницы. Таким образом, ежедневная нагрузка каждого ватного составляет восьмую часть нормы взрослого рабочего. В течение года нагрузка на учащегося, выходит, незначительная, вполне посильная.

Все, что происходит в телитнице, не только членов бригады, но и мальшю, которые ждут не дождутся пробыщения к взрослому делу. Практически руками восьмилетних товарищей на ферме ежедневно трудятся все школа.

Так бригада, ее жизнь, ее заботы связывают взрослых, подростков и совсем маленьких ребятшек в единую семью.

НИЧЕГО ОСОБЕННОГО

Возглавляет бригаду десятиклассник Миша Замзин. Ребята решили: он будет называться не командиром, а командиром, не только дан романтике. Комиссар — самое точное слово для бригады, в уставе которой есть такие положения: «Командир, не ШПБ — всемерно способствовать воспитанию достойных граждан СССР, активных строителей коммунизма».

Отец Миши — тракторист. Сам он тоже окончил тракторный класс (есть такая в школе). И выпускники уже решили: все мальчики после окончания десятилетия остаются в совхозе механизаторами. Никтокой работы среди ребят по этому поводу специально не велось. Их желание — естественный результат деятельности бригады.

— В Мише я уже сейчас вижу все задатки руководителя. По уму, хозяйственный, ответственности. Он немногословен, но авторитет у него непревзойденный — сказала Наталья Федорова. — Однако дело не в одном Мише. Главное то, что в нашей школе, которая, можно сказать, еще вчера была самой плохой в районе, выросли такие замечательные ребята, такие вожаки, как Миша Замзин, Марина Рыбкова, Тая Ричнев.

О Марине, секретаре комсомольской организации школы, упоминала районная газета «Ленинское дело». В ней рассказывалось о поездке костровцев в обком КПСС.

«Трудно, Марина, управляться с комсомольцами, с работой школьной производственной Бригады! Марина Рыбкова, секретарь комитета ВЛКСМ костровцев, средней школы совсем не чувствовала в кабинете первого секретаря обкома партии Василия Ивановича Коноплова никакой ско-

важности. Ответила, чуть тряхнув непокорной челкой: «Нет, сейчас уже не трудно!»

За этим коротким ответом скрывались такие проблемы и заботы, о каких не приходится думать секретарям комитетов комсомола многих других школ: отношения в бригаде, взаимоотношения с рабочими в совхозе, с руководством... И один из главных вопросов, который не дает покоя секретарю, это судьба девушек-выпускниц: куда после школы? Ведь ни одна из них не останется в селе. И совсем не потому, что не хотят... (Но об этом разговор впереди, а сейчас хочу сказать: убежден, что эти мысли, заботы очень способствуют внутреннему росту десятиклассницы Марины Рыбковой.)

Знакомая мне с Таней Ричневой — старшей пионерою, Наталья Федорова заметила, что ей, директору, редко приходится заниматься с девочками, а пионеры — пионеры. Потому что Тая — мастер своего дела. Мартынова говорила мне, что вообще «совершенствование» в пионерию, а не в комсомол. Сперва я удивлялся: почему же тогда она чуть не каждый день допоздна занимается хозяйственным? Но потом понял: очень приятно Наталье Федоровой, что за эти годы появились у нее надежные и верные помощники, что есть ей теперь на кого опереться. Отсюда и преувеличение: «Не вмешивайтесь! Да есть ли такое дело, в которое бы она не вмешивалась!»

Трудовой ритм бригады влияет и на самых младших. С первого класса тут все привлечено к трудовым делам. А как же иначе, если Тая, которая задает тон, младшей, — ветеран бригады! Она, бывшая школьница, прошла все самые сложные этапы становления этого коллектива.

Да, и у октября полно забот. Постоянная работа в звездочках: командиром, хозяйственным, всеми делами, и документами. По очереди. Проходит определенное время, и командир становится, скажем, библиотекарем, а санитарно-хозяйственным. Это пока тренировка на самостоятельность, на умение работать в коллективе. Смысл октября относится к своим обязанностям всерьез.

У пионеров тоже много интересных дел. Они воссоздают боевую историю родных мест. Собирают решения и документы, ребята организуют Музей боевой славы и теперь продолжают его пополнять. Они познакомятся в Кострове и соседних деревнях со старыми ветеранами, запишут их военные воспоминания, приглашают на встречи со школьниками. А на эти встречи, что по закону ни в коем случае, кто поощряет и поддерживает, в помощь, звать творческого шефства. Школьники отыскивают мо-

УЗНАЙТЕСЬ

гилы земляков, павших на долгом военном пути, чтобы уваживать за ними так же зоботливо, как за могилы на окраине Кострова. Их родное село освобождала в годы войны 36-я стрелковая бригада. Ее ветераны побывали в гостях у костровцев, и трудно сказать, кто кого слушал с большим вниманием: следовцы — рассказы бывших вояков или ветераны — рассказы пионеров об их поисках, связывающих настоящее с прошлым и будущим...

А бывало у школы такие дела, такие дни, когда все шумное Танино войско вместе со старшеклассниками выходило на эвральные операции. Тогда, например, как «Сурепки» и «Урожай».

Сурепка, это симпатичный желтый цветочек, — страшный сорняк. В операции «Сурепка» особенно отличаются октябраты. Набирают огромные букеты. Они так по букетам и соревнуются: у кого больше цветков, тот и работает лучше. А вот операция «Урожай» — это осенний аврал. Тут поднимаются все. Картошка!

Много хороших людей встретили в костровской школе. Большинство из них работало здесь и тогда, когда школа спыла худшей в районе. Просто в то время не было человека, который бы был на общем деле и разбудил бы лучшее в их душах. Теперь этот человек есть: директор.

Завуч, Галина Ивановна Будаева, долго располагившая мне, какким образом она перестроила уроки математики. Дома ребята сами исследуют алгебраические функции, а потом на уроке всем классом «добывают» истину. И я поняла, что принцип уроков-дискуссий Мартьянова стремился внедрить не только в преподавание гуманитарных предметов.

А потом завуч рассказала, какие важные перемены произошли в педагогической деятельности благодаря тому самому новому климату, что установился в школе, новому отношению к труду. Здесь ведется научно-практическая работа по совершенствованию мастерства учителя. Педагоги обсуждают методику проблемного преподавания, упорно добиваются выработки навыков самостоятельной работы на уроках. Делают творческие отчеты о своем труде. И главная тема этих отчетов — Развитие познавательной и творческой активности учащихся в процессе обучения.

Если вы посетите костровскую школу, то сначала решите, что здесь вроде все, как везде. Но, познакомившись с ее жизнью до конца, увидите, почему так «выступают» главные, что отличает костровцев. Любое дело здесь отмечено высокой осмысленностью, серьезностью, ответственным отношением даже к мелочам.

«КОРОВОЯ СОЖЕЛ»

— Вот корова печальная... — Галина Васильевна, учительница рисования, показывает мне еще один ярный листок. — Если подходить строго, художник, конечно, допустил тут немало вольностей. Например, ноги у коровы устроены как-то не так, но она и правда — печальна! Он ее и задумал такой, — поясняет моя собеседница и достает еще новые рисунки. — Здесь работы и малышей и старших, а недавно вот пришли в студию бывшие выпускники школы. Попросили организовать кружок и для них...

Сюжеты рисунков самые разные: натюрморты, старинные изыски с напичкаными, но больше всего «коровых сюжетов». Коровы в поле, одинокая корова, множество всевозможных телат.

«Вы что, специально рекомендуете им этот животноводческий сюжет?» спрашиваю. Галина Васильевна возражает: «Нет, это их собственное пристрастие. Вы и представить не можете, какое место занимала трудовая бригада в душах ребят!»

Галина Васильевна — местная. Училась в Москве, в педагогическом институте имени В. И. Ленина, на художественно-графическом факультете. Выпускница одного из лучших учительских вузов страны, могла выбрать местечко «попугеев», «покомфортнее», хотя бы и в Москве. Но Галина Васильевна мечтала о маленькой деревенской школе, где так удобно экспериментировать.

Потом она рассказывала о своих любимых малышах: они обладают такой поразительной врожденной способностью передавать эмоциональную атмосферу жизни, что эту способность вполне можно приравнять к большому таланту. И пригласила посмотреть некоторые работы. В коридоре висят два рисунка. На обоих лес. Но какие это разные леса! Один — светлый, веселый. Другой — мрачный, таинственный. И удивительно, что при такой противительной эмоциональной точности рисунки в основном были исполнены «нормальными» детскими, более мощными по части мастерства. Но все это вовсе не умаляло первого сильного впечатления.

А я им рассказала сказку про веселый лес гномов, а потом про страшный лес Бабы-яги и попросила изобразить все это — заметила Галина Васильевна. — Уверена, что это важно: искать возможности закрепить образцом фиксировать, зафиксировать это — значит, утвердить его, сделать его эмоционально-генеральным.

С утра она преподает рисование в школе. А во второй половине дня работает членом дорагруппы. В Дом культуры, где в большой комнате расположились ее

студия — тоже для школьников. Здесь ребята трудятся, не считаясь, благо нет законов наперемики. Увлечены и младшие, и старшие, и руководитель. Работают гуашью, маслом, акварелью. Шьют кукол для школьных спектаклей. Сами же пилят лысы, в которых немало «коровьих сюжетов». Увлекаются художественным ткачеством. Совершают многодневные походы (пешком и на велосипедах) на природу.

Даже само здание школы для юных художников обаяет творческих поисков, экспериментов, находок. В холле вас встретит яркое радостное панно из обильной мозаики — во всю стену. А на втором этаже в долго-долго стоя перед удивительной настенной росписью: «Костровые в двухтысячном году». И не знала, чему больше удивляться: любви к родному селу или фантазии, спланированной с архитектурным расчетом, или эстетическим манером исполнения — в картине ясно просматривались древнерусские традиции.

Вообще ни одна деталь оформления школы, будь то стена, пол, потолок или просто табличка-указатель, не минуя строгого контроля художников во главе с Галиной Васильевой, тщательно следит за тем, чтобы не нарушался стиль, общий замысел интерьера. «Ведь это тоже — воспитание, — заметила моя собеседница, — невольное, порой даже примелькавшееся, как будто и не замечаемое, но обладающее большой силой!»

Очень здорово, что в костровской школе есть художественная студия, есть Галина Васильевна Никифорова! Бригада и студия — два союзника в воспитании юных граждан.

ИХ МЕНТЫ

Костровские ребята мечтают... Мечтают о культуре производства, о полной механизации, о гигиене труда и эстетике. И мечты эти порой... раздражают некоторых взрослых: «Что им надо, достигают же!»

Детский, подростковый, юношеский максимализм. Сколько хлопот доставляет взрослым это неудовольствие, возмущение, а иногда и «Я сам», «Не хочу жалеть!», «Не хочу терпеть!», «Желаю немедленно!». А максимализм в отношении? У них ведь или «да», или «нет»? С середины не бывает. Но нельзя ли, чтобы это неудовольствие свойности работало на общее благо? Взаиморазумие бригады и союза в Кострове дают в этом отношении повод для размышлений.

Ребята, приобщившись к созданию культуры и руководствуясь здравым смыслом (научились у Мартьяновой!), начинают зада-

Изостудия в школе.

Фото И. Тункеля

вать «неприличные» вопросы: почему в телятниках нет полного цикла механизации? Ведь именно из-за этого уходит из села девочка после окончания школы — не хотят работать по старинке! Почему, случается, нарушают трудовую дисциплину взрослые? Почему норовят порою незнать бригаду на положение подсобного подразделения? Почему не прислушивается администрация совхоза к требованиям жителей некоторых деревень: добиться постройки хорошей дороги от Кострова к их «глубинке».

Да, ребята задают вопросы и не хотят жалеть, терпеть, «примиряться» во внимание. Это очень хлопотно и, primi сказом, неудобно для администрации совхоза. И надо отдать должное детям.

Евгений РЯБЧИКОВ

ректору Анатолию Андреевичу Суянину за его долготерпение к столь беспокойным сотрудникам. А может быть, дело не только в долготерпении. Может быть, понимает директор, что в главной школе жизни — да, нужны и механизация, и гигиена, и эстетика. Но вот ребячье нетерпение... Максимально! Что же, и это тепло, стимулирующее к поискам, размышлениям, и действиям! Конечно, только взрослым умам присущее умение планировать, реализовать длительные задачи, усидчивость. Зато ребята в таких стратегических делах трубки и барабаничили! Очень беспокойное подразделение! Но и очень нужное. Наверное, это хорошо помнят коммунисты совхоза. Отсюда и директорское долготерпение...

Школьная бригада вносит свежую струю во многие стороны жизни Кострова. Недавно Мартынова провела среди родителей старшекласную анкету. В ней был только один вопрос: «Ваше отношение к участию вашего ребенка в работе? А вы ответи: «Считаем, что труд облагораживает ребенка. Желаем, чтобы наш сын учился в трудной на благо Родины! — Ровные, работоспособные».

«Трудовое воспитание в школе устраивает нас, родителей», — Шелеповы, тракторист и телятичник.

«Моя дочь очень довольна работой на ферме. Приходит с работы и говорит: «Мама, они такие маленькие!» (телята). Вижу — моя дочка относится с душой к работе. Сама старается сделать, но не проспать по утру...» — Худощевская, бригадир-пчеловод.

«Считаем, что трудовое воспитание в школе необходимо. В школе эта работа проводится по плану, но на фермах необходима механизация... Титовы, слесари и култарботники. Дома култарыны. Все правильно делают, надо их больше приобщать к труду, к помощи нашему совхозу. — Языкины, тракторист и работница почты».

«То голоса родителей, их мнение. А как относятся к бригаде остальные работники совхоза? Они хорошо знают, как такое сотрудничество поднимает, поднимает лучше в душе».

Все заметнее складывается влияние бригады и на демографию Кострова и окрестных деревень. Если за первые пять лет существования школы на селе осталось всего три ее лица, то теперь, у выпускников уже нет «хоты» к переносу места. В прошлом году в родные места, И. и П. неслим никто не выразил желания уехать. А девочкам... Можно надеяться, что будут, наконец, созданы условия труда, отвечающие времени, тогда и девочкам незначен будет уезжать из Кострова.

...Так в чем же все-таки основная смысл опыта костровской школы? Конечно, в том, что повысились успеваемость, дисциплина, улучшилась общественная работа. Но и вот еще в чем: стены школы поживают теперь и другие люди. Юноши и девушки, прошедшие трехлетний трудовой цикл, более осмысленно, более сознательно и ответственно входят в жизнь.

Костровская школа и в научной и в воспитательной, как и положено школе.

Самолет взял курс на Волгу, в Горький, и хотя от Москвы лета совсем немного, все же представляли возможность нам, всем вместе, как бы совершить полет в детство.

— А ты поминишь! — Федоров заговорил о походах по рокам и островам вокруг старого Нижнего Новгорода, о первых юнистских наблждениях к куртинкам Мызы.

— А ты поминишь! — затормозил... — Поминишь тот расветный час, когда после выпускного школьного вечера мы вышли на Волгу, стояли на Отоке, смотрели в заречные дали и мечтали о будущем!..

Ревущий самолет уже развернулся над Волгой и шел на посадку. В иллюминации показались венесионский Отоко, башни кремля, суда на реке, и вот мы в объятиях друзей. С ними пошел в свою школу, в свой класс, сели за парту, и я заметил, как повлеклись глаза академика, Героя Советского Союза Евгения Константиновича Федорова. Здесь, в этих стенах, зарождалась его мечты и планы. Здесь определили он цель своей жизни, решив стать естественистом-летчиком.

Школьники, преподаватели, студенты, переполненные аудитории, восторженно слушали рассказы академика о его жизни, и многим казалось неправдоподобным, что перед ними выступал тот Евгений Федоров, который вместе с легендарным Паланиным трудился на Северном полюсе.

Протолкнувшись тоненькой юркой школьницей: — Скажите, пожалуйста, Евгений Константинович, вы сразу определили на Северном полюсе? Шум в аудитории, улыбки, смех. Нет, конечно, не сразу. Е. К. Федоров рассказывал, как он после окончания школы год проработал радиотехником — долгими часами трясся на телеге по области, обхватах от толковых радиоприемников. В деревнях собирались толпы, наблюдавшие за тем, как Федоров сидит с телегой большой деревянный шкаф с несколькими ручками, черной лакированной громкоговоритель с изогнутым в форме лебединой шеей рупором, громоздкие батареи.

— Много часов, а то и несколько дней нужно было возить на глазах большой группы добровольных помощников и отпуская ежидные замечания скептиков, — рассказывал Е. К. Федоров. — Не верили в то, что можно будет слушать голоса Москвы.

Только уполж Федоров, как взметнулись другая рука:

— А что авлено как к радиотехнике? — Если хочешь работать в экспедиции, должен знать радиотехнику, — разъяснил академик. — Я присоединился к Нижегородскому обществу радиоприемников. Нижегородская радиолоборатория была не только первым очагом современной радиотехники в нашей стране, но, объединяя вокруг себя молодых людей и мальчишек, стала также первой базой радиоприемного движения. Робко открывая свои неуверенные точки и тире в эфир, я не подозревал тогда, что через несколько лет буду дублировать знаменитого радиста Эрнста Тессера Кренкеля.

А тут уже новые вопросы. Их много. И про Северный полюс, и про первые метеорологические расчеты и метеорологические спутники, и о климате 2000 года, и будет ли новый ледниковый период, и, конечно, все интересно, как дальше складывалась жизнь Федорова после окончания школы.

Я помню то время: он уехал из Горького, стал студентом физического факультета Ленинградского университета, избрав при этом геофизическую специальность: она открывала перед ним путь-дорогу к дальним экспедициям. После третьего курса Евгений Константинович занялся поисковыми работами на Среднем

Урале: ему поручили как руководителю партии вести по программе Генеральной магнитной съемки страны работу на большой территории. То верхом на коне, то на вертлявой лодочке пробирались он тайгой через горные увалы. В дождь и ветер, в стуровых условиях Федоров профессионально геофизик-магнитолога. Его работа была признана хорошей, и по окончании университета ему предложили вести Генеральную магнитную съемку. Он мог остаться и в аспирантуре, но его интересовали полярные экспедиции. И дело тут не только в том, что очень уж романтичным выглядел труд полярников — плавание на небольших шхунках среди льдов, долгие зимовки на Новой Земле, Диксон и на Вайгаче, встречи с белыми медведями... Федоров знал, как много загодов и тайн хранит Арктика, и их нужно раскрывать. А тут представлялась возможность участвовать в работах Международного полярного года (1932—1933 гг.), да еще под руководством И. Д. Паланина и на наиболее трудной и ответственной а ту пору полярной станции на Земле Франца-Иосифа.

Арктика ждала Федорова. Здесь он обрел свое призвание ученого. В мире больше не было, наверное, нашлось свое счастье. В только что вышедшей прекрасной книге «Полярные дневники» Е. К. Федоров с теплотой рассказывает о том, как он ляжет зарождался его крепкая и светлая любовь к Анне Викторовне Гедич, которой и посвятил он свою книгу. В далекие теперы уже время к полярникам прибыл ледяной аламангания, и вадур Федоров увидел, как от борта судна отошла шхуна, а в ней была Анна Викторовна: она пришла с экспедицией профессора Верига. Встрече молодых людей мешали авралы, тяжелая работа на вахту. Но тогда, сменившись с вахты, Федоров брал тузину — маленькую — подребал к ледоколу. Ана спускался по шотрам-трапу, и молодой ученый легко гнал шхуноку по бухте. Они подошли и к тому берегу, где стоял неуловимый тул огромного птвичьего базара, — там высился мыс Рубин-Рок, обрывающийся отвесными стенами в море. Молодые люди подплыли на тузике к зеленовато-голубым ледниковым стенам, и Ана, знавшая много стихов, читала их другу.

Дружба перешла в любовь. На мысе Челюскина Федоров зимовал уже с женой Анной Викторовной Гедич-Федоровой. Здесь, как и на Земле Франца-Иосифа, руководил станцией Иван Дмитриевич Паланин.

Зимовки под его руководством имели большое значение для Е. К. Федорова — он оживил полярные традиции и позвал тот особый «полярный» стиль жизни, который неизменно приносил успех. Приглядываясь к трудолюбивому, талантливному молодому ученому, И. Д. Паланин оценил в Е. К. Федорове искреннюю любовь к науке, к исследованию, глубинную мысль, желание познать неизведанное. В 1937 году Евгений Константинович, включенный в состав «Паланинской четвечки», готовился к полету на полюс.

Помните, около тяжелых воздушных кораблей, стоявших в сугробах, я нашел тогда одеждо в меха Федорова: он тщательно проврал, все ли погружено в самолет. Его, как и всех, бесполом состоянием раскинуло под мартовским солнцем летного поля Центрального аэродрома. Весна надвигалась, и всей воздушной армаде нужно было возможно скорей выбраться в Арктику. В свободную минуту, в свободное время, а в этот момент, в момент, когда на шхуне, аспоминим Константиновичем давние школьные годы и недавнее время, когда накоротке встречались в старом уродном здании торговых рядов Рыбинского переезда, что между улицами Куйбышевской и Газетной, — та-та, в комнате, с низкими потолками и большими ок-

ИСТОПА АНГА

Академик Е. К. Федоров.

ном, начинавшимся прямо от пола, располагался штаб И. Д. Паланника. Тогда казалось невероятным все то, что было намечено и к чему готовились, хотя, как в Москве уже была поставлена в театре пьеса прославленного полярного летчика Михаила Васильевича Водопьянова «Мечта пилота». На сцене представало все, что проектировалось осуществлять в экспедиции на Северный полюс. Пилот в своей мечте оказался правдивым. Я был на спектакле — в Москве только и говорили о нем. Мечта приблизилась к реальности, когда по Большой Кулунской улице прошла к Теплому Стану полупрозрачная с Паланником в кабине, Ширшовым, Кренкелем и Федоровым в кузове,— они сидели на вещах и ящиках с приборами. Паланники проехали мимо строящегося тогда здания ВЦСПС и, наконец, остановились в Теплом Стане. В ту пору это было далекое Подмосковье. Здесь началось репетиция жизни на льдине. Поставили палатку, поставили малые радиостанции Кренкеля, воздвигли на исто метеорологические приборы Федорова.

Обо всем этом вспоминали мы с Евгением Константиновым в тот пасмурный мартовский день, когда билилось время старта. На аэродроме не было Анны Викторовны — она осталась в Ленинграде: ждала ребенка. Федоров, скрывая волнение, сказал:

— На полюсе улетит мальчик или девочка. Аня очень волнуется за меня, ей поэтому и лучше быть в Ленинграде.

Первой пошла на взлет флагманская машина Водопьянова. Из-под ее огромных колес фонтаном полетели потоки мокрого снега и талой воды. Паланникова четверка забралась в корабль летчика Алексея. Перегруженный самолет долго не мог оторваться от раскисших грунтов. Пилот два раза повторил длинные разбеги по аэродрому. Я смотрел, и сердце замирало: неужели у моторов не хватит сил выпустить воздушный корабль в небо? Но вот и он, натужно ревя моторами, тяжело поднялся и стал набирать высоту.

О рождении сына Федоров узнал на полюсе. Журналисты многих газет на большой земле с восторгом обглаговывали то, что в свидетельстве о рождении сына указывалось: «Ме-

сто работы отца — Северный полюс. Работа на вершине планеты закалила Федорова. Он и раньше, зима на Земле Франца-Иосифа и на мысе Челюскина, знал, что значит непопробованная полярной ночью, реж снежной глыбкой, перекачивающий дышанье мороза. Но жизнь на дрейфующей станции принесла и другие тяготы — грохот надвигающихся торосов и появление в лагере предельных трещин и проломов. Но что бы ни случилось, Федоров, как и все паланники, нес свою суровую вату, и в установленное время Большая земля регулярно получала метеосообщения. Там, где сходят меридианы, Федоров стал задумываться не только о проблемных освоениях Арктики, но и всего земного шара, о взаимодействии атмосферы с океаном, об особенностях арктического климата и о далеком прошлом Крайнего Севера, когда на месте льдов пышно развивалась тропическая растительность. Слишком много тайн и загадок в Арктике. И уж сполнились «пятном тайны» представляла тогда Антарктида. По существу, весь земной шар являл «кукоб тайн». Поэтому так и необходимо, думал Федоров, разбатывать комплексные, глобальные по масштабам, стратегические планы познания планеты, вооружения ученых совершенной техникой.

Мечты и планы, что вынашивались тайно, выла, на полюс, обрели реальность, когда Е. К. Федорову поручили руководство всей гидрометеорологической службой страны. Мы посчастливилось летать с академиком Е. К. Федоровым на «самолетах-обсерваториях», исследующих метеорологические процессы и начинавших первые эксперименты по искусственному воздействию на облака и начиненные градом тучи. Я поднимался с ним на высочайшую метеорологическую башню в Обнинске, знакомился с новейшей аппаратурой Гидрометцентра, и перед взором открывалась удивительная панорама коренного научного и технического «переворота» обсерваторий и станций, внедрения новых методов и в воспитании новых кадров.

С именем академика Е. К. Федорова ныне связаны экспедиции в Арктику и Антарктиду, запуски метеорологических и геофизических ракет, создание самолетных летающих обсерваторий. Он стоял и у истоков космической метеорологии. Его труд и воля воплощены в метеорологические спутники, и в корабль науки, и в электронику, и вычислительную технику, и в новейшие средства связи.

Изучая планету, ее воздушную оболочку, ученые становятся все озабоченнее. В повседневной своей жизни люди не представляют себе, какую угрозу навлекает на себя человек, действуя масштабам своих действий: громадных размеров производимых сооружений, величина преобразуемой доли земной поверхности, количество извлекаемых из недр ископаемых, мощность производимой и потребляемой энергии, загрязнение атмосферы и гидросферы. Атмосфера производств стала настолько значительным, что сравнимы со стихийными бедствиями. Углекислота, накапливаясь в атмосфере, заметным образом изменяет ее прозрачность.

— А это значит,— поясняет академик Е. К. Федоров,— что скопится в атмосфере углекислота, подобно стеклу в парнике, задерживая тепловое излучение Земли в космос. Атмосфера разогревается, и чем дальше, тем сильнее.

Само существование человечества в течение длительного периода зависит от гармонии между обществом и окружающей средой. Люди должны понять, что атмосфера, как и океан, единая для всех: воздух над Альпами не отличен от воздуха над Памиром. Не знают границ и течения в океанах. Поэтому так не-

обходимо единение всех человечества в борьбе за жизнь нашей голубой планеты.

Так точные науки о Земле, вступающие в сферу политики и общественных отношений, обрелись к Разуму и Совести миллиардов людей. Простой, очень скромный, милый и мирный человек Федоров стал востребованным рыцарем жизни и мира. Он одним из первых среди ученых забил тревогу в связи с созданием сокрушающего атомного оружия. Советское правительство настоятельно предлагало запретить испытания ядерного оружия, но США и их союзники всесилие от этого упорствовали. Они потребовали изучить «проблему контроля» над ядерными вооружениями, соглашение Е. К. Федорову вместе с группой крупнейших ученых СССР и социалистических стран было поручено доказать западным коллегам — противникам соглашения, что контроль вполне возможен и практически осуществим. Это и было сделано в 1958 году, после чего открылся путь к политическим переговорам. В 1974 году правительство СССР предложило всем странам заключить соглашение о запрещении воздействия на природную среду в военных и других враждебных целях (вторая США уже проводила в 1966—1972 годах «метеорологическую войну» во Вьетнаме, стараясь вызвать дополнительные дожди, чтобы тем самым продлить распутицу на грунтовых дорогах и способствовать разрушению дамб). Е. К. Федоров с группой советских ученых было поручено выработать с американскими коллегами взаимоприемлемый проект соглашения, который уже вступил в силу.

— Мир — единственная возможная форма существования человечества,— убежденно говорит Евгений Константинович.— Важно объединить людей доброй воли, спланировать ряды ученых, готовых бороться за мир, разрядку в международных отношениях.

Тод назад, в феврале 1973 года, на Всемирной конференции по климату собрались крупнейшие ученые из многих стран. С первым докладом на этой конференции «Изменения климата и стратегия человечества» выступил Е. К. Федоров. Докладчик показал, что наряду с решением одной из актуальнейших задач современной науки — прогнозом изменения климата — человечество должно выработать долгосрочный план действий, дабы своевременно подготовиться к предстоящим изменениям климата или, что особенно важно, к предотвращению их.

Говоря о необходимости совместных действий человечества для сохранения своей планеты, академик Е. К. Федоров настаивал, что они возможны лишь при соблюдении нескольких обязательных условий, главнейшим из которых является установление прочного мира.

Замечательно, что крупный ученый, занимающийся комплексным исследованием планеты Земля, академик Евгений Константинович Федоров стал председателем Советского комитета защиты мира, членом Президиума Верховного Совета СССР, видным партийным и государственным деятелем.

...Для него семидесять лет — много, а Федорову осталось жить совсем немного. За свою большую, трудную и сложную жизнь первооткрыватель. Но ему кажется, что он еще все в начале пути. Надо научиться управлять погодой. А как иначе защитить глобус нашей планеты, что случится с климатом, если повернуть Обь и Лену или другие реки на юг? Проблемы, проблемы... Одна кардинальная другая — и все взаимосвязано...

Евгений Константинович — человек оптимистической веры в торжество Мира, Разума, Науки, и, как прежде, планета для него — лаборатория, «рабочий стол» исследователя, родной дом.

ФАМИЛИЯ-ПОНОМАРЕВЫ

Из нашей семьи в Великой Отечественной войне участвовали трою: отец, сестра и я.

1 июня 1942 года добровольно пошла в ряды ВМФ моя старшая сестра Таня. Участвовала в боях в Сталинграде, на Кубани. Погибла 20 ноября 1943 года при формировании Керченского пролива в составе 369-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота.

Вот строки из ее дневника и писем домой.

1 июня 1942 г. Утро. Пришли в госпиталь. Настроение хорошее. Нас ознакомили с предстоящей работой на дисциплину.

9 июня 1942 г. Сегодня праздник. Нас зачисляют на действительную военно-морскую службу. Мы краснофлотцы. А было торжественно как! Знаю, Ляда и я в одном взводе. Хорошо.

13 июня 1942 г. Ведь я ушла из дома и ни с кем не попрощалась. Жалко папу, он очень хороший человек и никогда мне ни в чем не отказывал, а мама тоже меня жалует, ее старается для меня. Век жалко, а вдруг последний раз выйдем с мамой, ведь уже в прифронтовую полосу — все может быть!

18 июня 1942 г. Праздничный день. Нас переодели. Стали носить шинели краснофлотцев. Воротничок — жюль, фланелька, телнячка — морская душа, как красиво все! Все стало похоже друг на друга. Хочется на фронт, доказать извергам-фашистам, что мы, советские девушки, можем быть полезными, можем быть, уничтожить супитерских злодеев. Будем уничтожать, как уничтожают герои-составляющие.

22 июня 1942 г. Год, как идет Великая Отечественная война, как супитерские полищанцы напали на нашу советскую землю. А сколько за это время враги разорвали городов, сел, деревень. А сколько убито хороших молодых ребят и девушек, сколько стало сирот. Где-то оккупированы в Мариуполе на берегу Азовского моря мои родственники — бабушка старенькая, тетя Вера моя любимая.

28.1942 г. Привет из Сталинграда! Добрый день, дорогие мамочка, Шура, Ляя и Лося. Передаю вам свой чистосердечный боевой краснофлотский привет!

Мама, ты пишешь, что опять плачешь, что это такое? Не пойму. Города оставляют — это временно, придет время, и фашистские немцы не соберут. Разобьем их.

Не все сразу. А для этого надо лучше работать, лучше заниматься, больше давать продукции, и победа будет за нами. Ведь не может быть, чтоб советский народ был поражен, чтоб кружил бы эти шныри. Фашизм должен быть уничтожен, и он будет уничтожен. Мама, не беспокойся, в Сталинграде фашистов не пустят. Сделую крепко все, мамочка.

19 августа 1942 г. С каждым днем все больше и больше пожаров от боевских вражеских самолетов. Сегодня ходили сбить кровь. Я donor! Хочется скорее поехать на фронт.

26 августа 1942 г. Живем в лесу. На правый берег реки Волги страшно смотреть — одни развалины, — вот фашисты что наделали! Придет время — ни одного фашистского выродка не останется на нашей земле!

11 октября 1942 г. Сталинград все время горит. Идут упорные бои. Раз я пришла добровольно по фронт, служить, значит, надо учиться и на фронт. Это моя идея, и я этого во что бы то ни стало добьюсь. Изучаю револьвер, пистолет, пулю, пулю, пулю.

Таня добилась своего — попала на фронт. Добрый день, дорогой отец! Передаю тебе свой горячий краснофлотский привет и самое лучшее пожелание в твоей жизни и работе. Папа, что так мама такие печальные ассыды письма пишет, как будто уже не увидит и т. д., что за новостями — я ведь собираюсь с победой возвратиться домой, чему-нибудь научусь хорошему.

Но она не вернулась. Матери принесли извещение, в котором говорилось:

Ваша дочь ст. и/ф Пономарева Таня Григорьевна в бою за социалистическую Родину, верная присяге, проявив героизм и мужество, убила 20.11.43 г. захваченна на побережье Керченского полуострова.

А всего за несколько дней до этого погиб наш отец. В «похоронном сообщении», что командир Пономарев Григорий Васильевич, уроженец Ульяновска, в бою за социалистическую Родину, верный присяге, проявив героизм и мужество, был убит 8.11.43 года и похоронен в селе Малые Букрин, Римского района, Киевской области.

Посылаю вам строки из писем отца.

15.8.43 г. Добрый день, жена Фрося и дочери Ляя и Лося!

Моя сестра Таня Пonomарева. Погибла в ноябре 1943 года при формировании Керченского пролива.

Наш отец Пonomарев Григорий Васильевич. Был пулеметчиком, парторгом роты. Убит в сорок третьем.

А это моя фронтовая фотография — Пonomарев Александр Григорьевич. Был комсоргом роты, затем батальона.

Шло вам свой фронтовой привет и желаю ассы хорошию. Сообщаю вам, что я получила небольшое ранение в левую ногу. Это было 11 августа, так что, наверное, скоро пойдешь снова на фронт. С боем продвигаемся вперед, на запад. Как только освободим Украину, так и домой придем.

Я пока живу-здоров, изучаю станковый пулемет. Сейчас у нас задача, кабы скорее выучить оружие и скорее закончить с Гитлером, тогда будем строить мирную жизнь, залечивать те раны, которые нам нанес Гитлер. Восстанавим города, заводы, сельское хозяйство. И тогда захватим еще лучше, как жили до войны. Но только сложить роту Гитлеру — у нас пока одна задача.

26.10.43 г. Добрый день, жена Фрося, дочери Ляя и Лося! Шло вам свой боевой привет и желаю ассы хорошию. Фрося, ты пишешь, что Лосю не усмиряла — надо усмиряла, пока не подросла, и то будет молодец. Если без меня или моей подлины нельзя усмирять, то напиши, что надо. Что нового, чем Лося занимается?

Лося — это девочка, которую наша семья в 1942 году взяла на воспитание из Ульяновского детдома. Ей было тогда пять лет. Сейчас она живет и трудится в Жданове, имеет свое семейство, член КПСС, награждена орденом «Знак Почета».

В марте 1944 года добровольно отправился на фронт я, Пonomарев Александр Григорьевич, — мстить за отца, сестру и за друга Костю Бирева, расстрелянного гестаповцами в оккупированном Мариуполе. Возвратился я в феврале 1945 года после тяжелого ранения.

Очень памятен для меня первый бой.

Утром 23 июня 1944 года был получен приказ о наступлении — началась знаменитая операция «Багратион». За успешное выполнение ПТР принадлежал второк мотострелковой роты старшего лейтенанта Хаббулина. Кругом рожь высокая да вдали несколько деревьев и высот. Роте было приказано занять деревню Макаровщина. Когда мы стали разлагаться на высоте, на нас обрушился шквал огня из автоматов, пулеметов, минометов. Я и комсорг роты младший сержант Брус решили остаться на высоте и удерживать ее до тех пор, пока не перевернется.

Ночью к высоте подошла мотострелковая рота. Утром пошли в наступление и с ходу заняли деревню. За успешное выполнение заданий командования я был награжден орденом Красной Звезды, а младший сержант Брус — медалью «За отвагу».

Вскоре пришел заместитель командира батальона по политической части капитан Череповский и сказал мне, что боевая характеристика есть, рекомендации есть — можно оформлять вступление в партию. Я написал заявление, и возле штабной машины меня приняли в члены партии. В этот же день был зачитан приказ о назначении меня на офицерскую должность — командиром взвода ПТР. И тем, в первом бою произошло много памятных для меня событий: принял я члены КПСС, награжден орденом Красной Звезды, назначен на офицерскую должность, да еще в этот день мне исполнилось 19 лет.

А. ПОНОМАРЕВ
Жданов.

1941

1945

ЛЕТОПИСЬ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Левый снимок сделан в Сталинграде 15 февраля 1943 года. На стене центральной лаборатории завода «Красный Октябрь» надписи: «Здесь стояли наместники героев-тарасчан». Фотография прислан в «Огонек» комиссар бывшего 1-го стрелкового батальона 253-го Тарасчанского стрелкового полка Тимофеем Алексеевичем Ромашкиным из Цинлиньска Ростовской области. Вместе со своими боевыми товарищами он выбыл фашистам из этого здания.

На правом снимке — сам Тимофей Алексеевич после одного из боев за Сталинград в декабре 1942 года.

НАПИСАНО В СТАЛИНГРАДЕ

Посылаю письма, которые я пишу тебе со Сталинградского фронта.

ЧИЧЕЛАНОВ
Филарет Захарович,
член КПСС с 5 января 1920 года
Ровно.
7/1—4/3 г.

Варя, я здоров, нахожусь все там же. Ждем вот со дня на день решающей сражки с окруженной группировкой, чтобы окончательно ликвидировать засаду здесь, уваровскую шайку. Варя, если мы только ликвидируем эту группировку, то мы сразу окажемся в тылу, т. е. наши войсковые части уже на юго-запад и запад на 200—250 и 300 км от Сталинграда.

20/1—4/3 г.
Здравствуй, моя дорогая Варенька! Позавчера получил твое письмо и сыночку записку с рисунком артополки и екатилины. Очень, очень был рад. Пишу из фривского блиндажа. Когда занимаем их блиндажи, то по траншеям масса трупов врагов. Ничего, фашисты узнают изушкин маты! Ну, пока. Целую крепко тебя с сыночком.

Твой Филарет

20/1—4/3 г.
Наша и славная моя Варенька! Сейчас три часа ночи с двенадцатого на двадцатое. Пишу это письмо в землянке, которую мы заняли два дня назад. Лампочка горит тускло. Сейчас стрельбы нет, но фрицы находятся в 300 метрах от нас, а поэтому спать все ночь мне как зам. комфорта не придется.

Позавчера я допрашивал двух пленных. Черт, а вернее, гады, несмотря на ультиматум советского командования о капитуляции и несмотря, что и хлеба получают 150—200 граммов, все же не сдаются. Как видно, слишком сильно вбили в их башки, что они могут быть спасены. Ну что ж, черт с ними, пусть пеняют на себя.

Варя, сыночка Женя непохож на рисовку. Он и кадет не похож нарисован. Открылся все твои полчища. Спасибо, сыночка. Пиши чаще.

Ну, а пока приват, целую обонх крепко и горячо.

29/1—4/3 г.
Моя дорогая и славная Варенька! Пишу тебе из г. Сталинграда. Бом продолжают, фрицы хотят и сдаться, но есть еще и танки, которые продолжают сопротивляться.

Дорогая моя! Хотя и жалко, как разрушен наш прекрасный город, но важнее все же выкурить из всех черных фрицев, а чтобы их выкурить, надо уничтожить весь дом, так как они забираются в основном в подвалы. Вот поэтому и сегодня нам приходится стрелять, как минометчикам, так и артиллеристам по тем зданиям, где работают я, и по тем зданиям, где ты работала вместе с Колесниковым и с Тамарой. От того места, где я сейчас сижу, до тех зданий 500—600 метров. Обстановка не сегодняшняя день такова, что фрицы занимают только тот участок, который ты обслуживала, когда работала в том учреждении, где начальником был Колесников. Когда ты получишь это письмо, весь город будет полностью очищен.

А пока, моя родная, шлю тебе свой горячий и крепкий привет и целую крепко тебя, а также моего острого сыночка. Очень доволен я, что сыночке ты купила лыжи и что он катается на лыжах.

Твой Филарет

30/1—4/3 г.
Наша и дорогая моя касатка Варя! Пишу тебе в 11 час. вечера. Через два часа переходим на новую огневую позицию. В Дворце пионеров. Ты ведь знаешь, где он. Сегодня мы торжествуем как победители над наглыми зрелищными фашистскими гадами. Мы их уже разгромили. Осталась лишь жалкая небольшая группа в центре, которую, может быть, уже и утку ликвидировали, и как крайний срок — завтра дим.

Какже жалкие прохвосты тебери они, когда оставшиеся в живых попадают в плен. А вода кажется не так давно, когда они шли в Сталинград, то с таким гонором. Как надутые куры, держались они.

А теперь идут как морские курочки с сосульками под носом, заросшие, небритые, с головами, замоченными в разные трюпки, с ногами, замоченными в несколько портянок. Сегодня вечером мы наблюдали редкое и интересное явление. ЕСТЬ рыболовы, которые ловят рыбу в воде. А сегодня происходит массовая рыбная ловля в небе. Каким образом? А вот какими. Прилетают фашистские транспортные самолеты в Сталинград. Они сбрасывают парашютистов сбрисать свои оставшиеся войсковые продукты: колбасы, масло, хлеб, сало, шоколад. А куда сбрасывать, они не знают, вот и летают кругами. А наши бойцы, чтобы сбить с толку фашистов, пускают в небо массу ракет. Фашисты и бросают в нашу расположение.

Сегодня, как и прошлые дни, партия за партией по 500 человек и больше все идут и идут пленными в наш тыл.

Завтра весь Сталинград будет очищен от всей этой погань, о чем я тебе сообщу.

А пока, дорогая, крепко и горячо целую тебя и сыночку.

Твой Филарет

2/11—4/3 г. 10 час. вечера
Моя дорогая Варенька! Наконец-то мы разделились с фашистскими гадами, окруженными под Сталинградом. Эх, Варя! Если бы ты посмотрела, как они разрушили город. А сколько из, гадука, набито вояду! Да, дорого мы стал Сталинград!

Как происходила ликвидация фашистов в городе? В 2 часа ночи 31 января наша миниметная батарея из-за реки Царный выдвинулась дальше Дворца пионеров и немного по Дворцу Московской улицы. Рассчитывали, что как будет утро, будем вести бой, будем стрелять в сторону вокзала и в сторону наших домов на площадь 9 января 1-й д.

Миниметные поставили, ребята и я пошли искать подвалы, где бы можно было обстрелять.

Подбегает ко мне боец, сообщает: «Там вон, в подвале, фри-

цы!» Мы бегом туда. Я по-немецки кричу им, чтоб выходили все. Смотрим, вылезают. Один, два. Спрашиваем, сколько их. Отвечают—14 человек. Ну, вывели их всех. А в это время по улицам уже тут и там ведут партия пленны. Мы их также направляли к одной из колонн пленных, идущих по Советской улице. А по всему центру их были тысячи.

Итак, 31 января нам уже не пришлось вести бой с фрицами. Они капитулировали, парашютистов трофеи бросили! Сегодня мы уже третий день едим консервы, которые они привезли самолетами из Норвегии, Франции и даже из Португалии.

Сегодня в честь победы над фрицами мы скушали по 4 шутки мандаринов.

Варя, вокзал сильно разрушен... (Окончание письма не сохранилось.)

4/11—4/3 г.
Моя дорогая и славная Варенька!

Мы были на митинге, на котором выступали командующие нашими армиями, секретарь обкома ВКП(б) г. Чухнов и др.

Минимет! После разгрома фашистов мы разместимся на окраине города на несколько дней на отдых, а потом дадут нам пополнение и опять будем продолжать очищать советскую землю от фашистской нечисти.

Дорогая моя! Во время митинга я думаю, что такой исключительной победы мы достигли потому, что и моя славная Варя и мой дорогой сыночек своим трудом по строительству оборонительных сооружений помогли разгромить этих гадов. Благодаря этим сооружениям Красная Армия изматывала, ослабляла сильно врага, а потом, накопив сил, сама перешла в наступление, окружила и уничтожила врага. А теперь мы ходим с гордостью по городу, хотя скрепя сердце за то, что фашисты так изранили, так изуродовали его.

Но пленные фашисты уже приступили к восстановлению города.

Твой Филарет

ИЗНАКОМЬТЕСЬ С НАМИ

ВЕСЕЛЫЕ

Новела ИВАНОВА,
фото Александра НАГРЛЯННА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

«Баттоня» — 23.IX.1944. Немешмедеш — 4.IV.1945 — выбито на табличке. Два села, две даты. Между ними — десятки дней тяжелой боевой работы, которые влились в 3-го Украинской армии. Указом Президиума Венгерской Народной Республики днем 4 апреля объявлен национальным праздником. «4 апреля — праздник вечной благодарности, горящей любви, дружеской и союзнической верности венгерского народа своему освободителю, защитнику независимости Венгрии, главному стражу и могучей опоре мира — Советскому Союзу, доблестной Советской Армии».

На южной границе страны расположено село Баттоня, которое первая встретило советских воинов-освободителей. Праздником в этом селе каждый год начинаются в Венгрии юбилейные торжества. С Баттоня начинается репортаж наших специальных корреспондентов, которые проехали по стране полторы тысячи километров и побывали на местах минувших сражений.

техуиниц для подготовки кадров заводу оптических приборов. Строим дом на 56 квартир.

— Но ведь это все требует средств, и немалых!

— Конечно! Но мы можем теперь себе это позволить! Если до 1960 года тут было несколько мелких кооперативов, то после объединения их в три крупные хозяйства, организованные на растениеводство и крупный скот, мы даем продукцию на 300 миллионов форинтов в год!

И куда думаете вложить средства в будущее?

— Хотим купить небольшой самолет для полетов работ. И еще надо кое-что из новой техники — между прочим, у нас вы встретите польские комбайны, советские тракторы, грузовики из ГДР...

Сын бедняка, потомственный кузнец, коммунист Янош Знеди планирует купить самолет, а сидит рядом с нами Йожеф Оси, который годился ему в отцы и помнил село совсем другим, замечает:

— Прежде всей землей этой владел зять диктатора Хорти! Этот крупный землевладелец был министром сельского хозяйства и не предполагал, что в этом бедном селе расцвет будущей министр иностранных дел народной Венгрии Фердинанд Пуш. Наши дома стояли на окраине по соседству с семейством Пуш. Эта часть села люди называли «ханты». Крестьяне вырвали на гуглах дров и укладывали его на крышах вместо соломы. Вот и получался «хант» — дуг, значит...

Двадцать пять лет прослужил Йожеф Оси на границе, вернулся в родные места, и основательно избрал его председателем местного отделения Общества венгеро-советской дружбы.

— А когда в Баттоня родилось общество? И старый пограничник ответил:

— Мы все считаем — 23 сентября 1944 года!

— Он хорошо помнит то раннее утро: всех жителей села — стариков, женщин, детей — погнали рыть окопы. Их пугали: «Иди, Иван, он сомнеет село, а все всех убьют!» Но из-за кукурузного поля, где уже стояли советские танки, никто не начал «раскиснуть» по домам! Раскиснуть? Выходит, русский Иван беспечно сидел на избу? Кровь не ушам. Местные власти исчезли из села еще накануне, а в полдень баттоня вступили первые советские части. В доме Йожефа временно остановились двое молодых офицеров. Расстелив карту на столе, они обрисовали деревенскому парню, где проходит фронт. Фамилий их он не запомнил, а только имена: Гайзел, Он отлучно говорит по-русски.

— Да Дядько Рокко, или, как он представлялся, лейтенант Иван, пришел с целой ланкой фотографий с фронта. Он отлучно говорит по-русски.

— Да научился! В Красной Армии. Я ведь в Венгрии пришел в составе 317-й дивизии. Служил в 1-м полку воевавшего в Венгрии. Он родился в этом селе, жил в страшной обстановке. Взяли в армию, poslali на русский

фронт. В первом же бою Юрай слался в плен, а спустя короткое время попался в плен, своим капитаном Миклошем Штейнмецем, венгером, который в Исландии был бойцом Интернациональной бригады, личным другом генерала Мау.

Мы рассматриваем фотографии. Вот Юрай, молодой солдат светловолосый солдат, стоит рядом с капитаном Штейнцем.

— Он научил меня очень важному делу, — говорит Юрай, — именно вести агитационную работу! Во вражеской армии, а это я хорошо знал, было немало солдат, одуряченных пропагандой. Мы писали листовки, разъясняющие ситуацию. Только за период будапештской операции было издано 255 тысяч листовок на венгерском языке тиражом почти в 40 миллионов!

29 декабря, перед штурмом Будапешта, советские командования, стараясь избежать кровопролития, отправили в окруженный город своих парламентариев. Одним из них был родившийся в Будапеште капитан Штейнец, другим — капитан Илья Остапенко. Оба были убиты. Дед Юрай показывает снимок несохранившейся взрывной машины парламентариев, простреленной на земле теле Штейнцем.

— Знать, не дожил до этих дней Миклош Штейнец! И мой командир Орлов тоже не дожил. Он погиб спустя несколько месяцев в одном маленьком селе под Секешфеваром. Венция ни помнит! — По-русски закончил свой рассказ Баттонский крестьянин Дядько Рокко, который по-прежнему считает себя солдатом Советской Армии.

БУДАПЕШТ

Из Пешты, равнинной части столицы, проехав по мосту Эржбет через Дунай, мы поднялись на холмистую Бауу. Историю, соорившую эту часть города, словно остановила время на ее улицах. Вот Рыбный Бастон, Будапештская крепость. Позади бастона — церковь короля Матвея. Сегодня здесь празднествуют сразу несколько свадеб, и туристы с энтузиазмом щелкают затвором фотокамеры. Мы поднимаемся дальше, на гору Геллерт. Здесь возвышается над столбами памяти, созданный скульптором Ж. Кишфилуан-Штроблем. «Освободители — советские герои» от вечно благодарного венгерского народа — высечены на мраморе строки. Живет в Ивановской области тот советский солдат-гвардеец Василий Голубев, который в 1945 году освободил венгерскую столицу и послужил скульптору моделью. Духоточная прекрасная армия, окруженная в Будапеште, полтора месяца отчаянно сопротивлялась, превратив каждый дом в крепость, а гора Геллерт, увенчанная древней цитаделью, стала особенно мощным узлом обороны. 13 февраля 1945 года в 21 час

Будапешт в праздничный вечер. [Фот. [Иванова Шандора Ковача] * Тот Ласло и Анд- раш Иштван строят атомную станцию в Пакше * Придильщики из города Капоша.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: «Мы учимся в Баттоня», — говорят Юдит Шипшо, Иван Мурич, Маргит Балла * Венгерские костюмы «Олимпиады-80» * Баттоня 23.IX.1944. Немешмедеш 4.IV.1945. * Сегодня на «Видеотон» * Есть «Икарусы» * Скульптор Имре Варга

БАТТОНЯ

7 часов утра. Туман. С замкежскими фарми мы едем по автотрассе номер пять по маршруту Будапешт — Сегед — Баттоня, на машине, которую нам предоставили для этого путешествия «Орест-киль», журнал — поборити «Огонька» в Венгрии. Обычно в Баттоня дороги в междуречье Тисы и Дуная редко, а нынче оно что-то задержалось. Ночью упала температура, и деревьев вдоль шоссе стоят в легком снежном напылении. По дороге — поля, виноградники и снова поля. Нас обгоняют громадные автобусы с надписью «Хунгаромон»». У этих машин путь дальний: они везут экспортные товары за рубеж. Венгрия сегодня торгует со 149 странами. Куда коротко путь велосипедистов и крестьянских повозок, которых так много в эту пору на дороге. Авторассея номер пять свидетельствует о том, что Венгрия встает рано и сразу же приступает к делам.

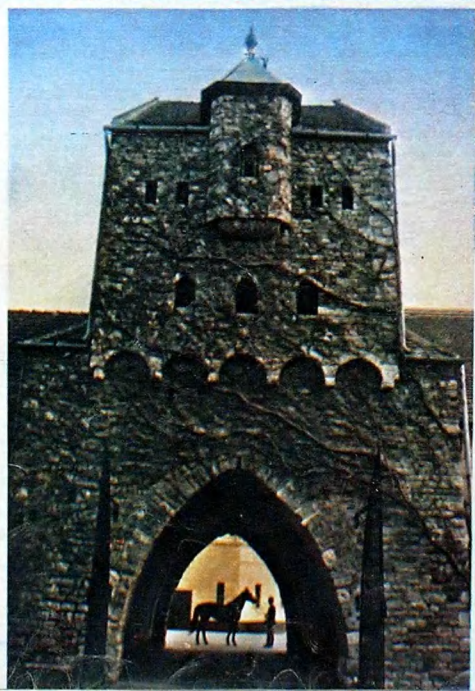
Четыре часа пути — и мы в нескольких километрах от румынской границы, в селе Баттоня. На окраине скромное, небольшое домишко, но их так тянут добротные, просторные дома под черепичными крышами. Раскрасневшие послами в желтое, коричневое и голубое, они словно оплывают травяной лентой. По центральной широкой улице катят на велосипедах солидные бабушки, укутанные в теплые клетчатые шали. Молодежные мамы везут малышей в корзинках, принарядных к сиденьям. Обезьян новостройку, где восток кипит работа. Интересно, что здесь будет? Издается, спортивный комплекс. А вот еще один новострой. Выхода из входа гласит: «Инициал будапештского завода оптического оборудования». Вот поле и деревня! Наше удивление очень побуждало Яноша Знеди, руководителя сельской партийной организации, с которым мы встретились в правлении сельскохозяйственного кооператива имени Шандора Петери.

— Кроме филиала будапештского завода, у нас в селе есть цех обувной фабрики и предприятие по изготовлению ковров. Треть из восьми с половиной тысяч жителей, — рассказывает он, — молодые люди мы вступили в промышленное развитие села с перспективой, что молодые наша селе занятие по душе в Баттоня. У нас есть средняя сельскохозяйственная школа. Собираемся открыть проф-

18

...Многочисленные представители семейного клана Муре абсолютно убеждены в том, что породительница этого клана 106-летняя Селма Муре — Мамур, как они называют ее, — неспособна ни на что другое, кроме как дремать в своем кресле-качалке, бормотая что-то себе под нос беззвучно вслушивая свой протертый супник. О, как они все глубоко ошибаются!

Когда в опасности оказывается судьба двух чистых, скромных молодых людей, престарелая француженка показывается, на что она еще способна, как отзывчиво и горючо ее сердце, как благородны, мудры ее помыслы и побуждения, как решительна и бескомпромиссна она в своих намерениях, энергична в поступках.

Преображения Елены Гоголевой в заглавной роли спектакля Малого театра «Мамуре» поистине великолепны. Героиня расправляется и духовно и физически, когда надо действовать. Глаза Гоголевой — Мамуре лучатся, горят, когда она вспоминает свою единственную любовь! И ведь именно она, Мамуре, поднимает голос протеста против буржуазной корысти и несправедливости, против мешанской тупости и любви, отменно вступает с ними в борьбу и победительно, остроумно их посматривает.

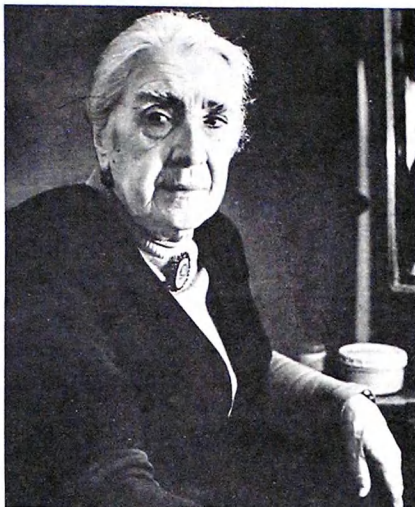
Мамуре — одна из последних по времени роли народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР Елены Николаевны Гоголевой, пришедшей к своему 80-летию.

Как же счастливы должны быть художники, встречающие такую славу, знаменательную дату своей жизни в энергичной, неустойчивой, интересной творческой работе! И это не просто привычные слова юбилейной величии! Зрителю rūклетуш Гоголевой не только в «Мамуре»: среди самых недавних ее сценических творений — целый ряд выдающихся классических образов.

Это и зловещая, мрачная фигура озлобленной, буквально истощенной немачки в болшемвене, к революционному народу нугмели Мелани в пьесе Горького «Достигаев и другие». Это и две немачки, страдающие матерью в драмах «Перед заходом солнца» Гейтмана и «Плутинка Островского». Если Мелани Гоголева очерчивает штрихами резким, сурово разоблачительным, то образы матери Инжен — frau Петерс, как и матери Кирилла Искендирикова — Анны Устиновны, актриса наполняет сочувствием, состраданьем. В разных странах, в разной социальной среде, многогрешно, скорбно, покорно несут свой жизненный крест эти матери; отчетливо очерчено их национальное своеобразие, но и та и другая, это подчеркивает актриса, не утратили ни гордости, ни человеческого достоинства.

А вот полусамодельная барыня в «Грозе» — персонаж темного царства Островского. Образ отмечен тонким, глубинным психологическим подтекстом...

А вот властная, чванная, вздорная, пренебрежительно помыкающая всеми крепостница-самодурная Хлестова из «Гор от ума».

К 80-ЛЕТИЮ Е. Н. ГОГОЛЕВОЙ

УЧАСТИВАЯ В СУДЬБАХ

Роль... роль... роль... Сколько же их было за шестьдесят с лишним лет самоотверженного, истового служения родному театру! Не перечесть! И в каждом — частица души актрисы, ее любовь и боль, ее утверждение или отрицание.

Народный артист СССР М. И. Жаров, товарищ Гоголевой по сцене, сказал однажды: «Искусство Малого театра невозможно представить себе без искусства Елены Николаевны Гоголевой. Но ведь и она сама, дочь провинциальной актрисы, выросшая в атмосфере кулис, буквально с детства лет не мыслила себе жизни без Малого театра. Почему! Послушаем саму Елену Николаевну.

«С самого детства», — вспоминает она, — мать готовила меня к сценической деятельности. Она внушила мне, что я должна быть актрисой Малого театра. Ни о чем другом я не думала... Надо ли говорить, что творилась в душе ученицы. Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества, когда после переходных экзаменов со второго на третий курс она получила заветное приглашение в Дом Островского. И вот — дебют. 16 октября 1918 года в Малом играла шекспировского «Венецианского купца». После первого акт известный актер О. А. Прадвин, по старинному обычаю, взял за руку испуганную Юнону Гоголеву, дочерью Шейкина, и подвел к

рампе, представив публике юную дебютантку.

Успех сопутствовал актрисе с первых же шагов. В окружении и с помощью именитых корифеев Малого театра, — это были Садовские, Лешковская, Южин, — она справилась с ответственными ролями грибоедовской Софьи в «Горе от ума», горьковской Татьяны в «Старике». А потом были героини Островского — русские женщины, озаренные большой любовью, душевными страданиями, порывом к свободе и счастью. И кого бы ни играла Гоголева — Вену в «Сенгерушках» или Негину в «Аллаху и поклонникам», Аксуну в «Лесе» или Юлию Тугину в «Последней жертве», Олену в «Воеводе» или Ларису в «Беспорядочнице», — она овладевала краснотой русской женщины, одухотворенно раскрывая поэзию и гордую чистоту души.

Уже в годы своей актерской молодости Гоголева показала себя истинной дочерью Малого театра, овладев его искусством ярко театральной сценической правды, его высокой культурой звуковой и русской речи.

И вот что примечательно. У зрителя и у критики все время маялось представление о характере дарования Гоголевой. Понималось, что она создана для ролей лирико-романтического, драматического плана. Но вот в «Лобовых Ярыжках» Гоголева сыграла Панову — этого коварного, затмева-

вшего врага революции. Стало ясно, что актриса доступна и острой, социально-четкие обличительные краски. А после героини Мальборо из комедии «Стахан воды», Марини Мишке из «Бориса Годунова» и таких образов Островского, как Лидия Бекордова («Бешеные собаки»), Гладира («Волки и овцы»), с их новой для актрисы, тонко выраженной сатирической природой, Гоголевой чуть было не закрепилась ампула «крокодила» — роли, рассчитанные и хитры, и обольстительны. Однако привязки большой, творчески разносторонней актрисы индивидуальности к тем или иным ампулам всегда непрочны и временны: Гоголева вновь подтвердила это и своей героиней-драматической Юдией в трагедии «Уриэль Акоста» и особенно светлой, нравственно богатой, полной здоровых земных сил Надеждой Монаховой в горьковской «Бархате».

Играя преимущественно классику, Елена Николаевна все время стремилась к воплощению на сцене характеров и судеб своих современников. Это стремление реализовалось в последние годы. Дарование актрисы раскрылось уже новыми гранями. Одна за другой появились ее советские героини, которые — так же, как и она сама, — не просто пережили вместе со всем народом Великую Отечественную войну, но отдали все силы делу победы. В образах актрисы Гоголевой («За тех, кто в море!», хирурга Лавровой («Великая сила»), секретаря райкома партии Поповской («Судьба человека») Гоголева проникновенно и убедительно сплавляла водно единство человеческого, личного и общественного, высокое гражданское, волевым, сильных женщин с патристической гражданской их сутью, общественным, трудовым признанием.

Искреннюю наивность этих ролей Гоголева развивала, каждый раз по-новому индивидуально обогащая, и в таких сценических портретах своих современников, как мученица, преодолевшая серьезные испытания врач Анна Падольск («Крылья»), героическая коммунистка, крупный государственный деятель Ганна Лихта («Заговор обреченных»)...

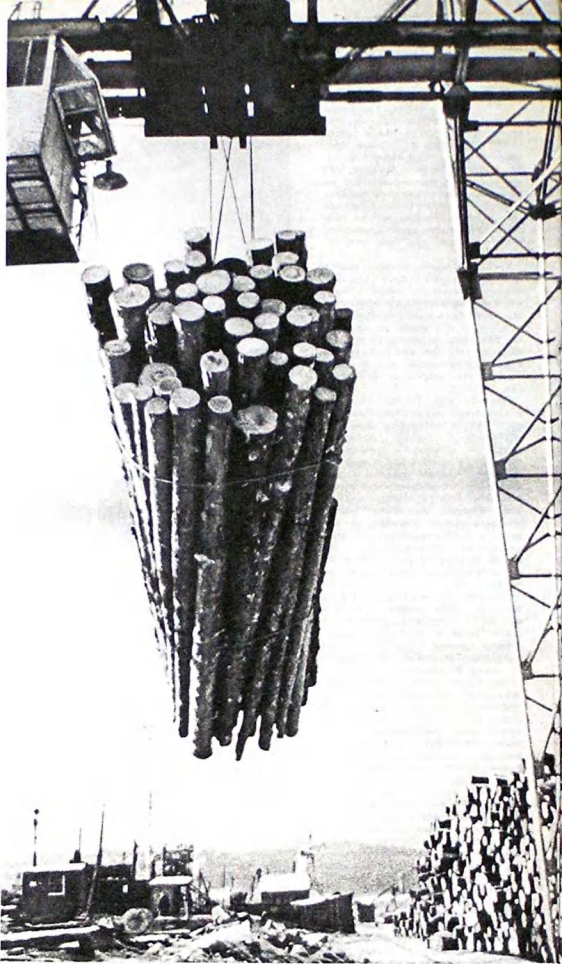
И все время — непрерывный художнический поиск. Возрождение на высшие ступени совершенного реалистического мастерства. Гоголева — писательница, трагединой силой отмечены Кручинина («Без вины виноватые» Островского), ледя Мавбет («Мавбет Шекспира»), frau Альтинг («Принудения Иисуса»). А с другой стороны, еще крие и еще выразительнее становятся в зрелом искусстве Гоголевой яркость, сила, сатра. Достаточно назвать ее Мурзавещую («Волки и овцы») или экзистенциальную старую Кроули («Храмья тешесная»).

Об актрисе созданы Елены Николаевны — самых недавних — упоминание в начале этого, весьма краткого, обзора ее творческой деятельности Гоголевой, полнокровная жизнь. Озаренная талантом и красотой, гармоничной общественной мечтой, всенародного признания, она обещает артистке новые художественные свершения. А зрителям — новую радость встреч с зрелым искусством Гоголевой.

ФОТО А. НАТРАЛЬЯНА

Александр Сосновский — трехкратный чемпион мира по лесоповалу.

Отсюда древесина начинает свой долгий путь на колесах.

Бригада лесорубов уходит, оставляя делянку в полной чистоте.

Каждый из этих стволов Сосновский повалил за считанные секунды.

ЧЕМПИОН ЛЕСА

Георгий РОЗОВ,
фото автора

«**В** лесу раздавался топор дровосека» — вдруг совершенно нектати вспоминались некрасская строчка. Если бы раздавался на делниках в бригаде лесорубов трехкратного чемпиона мира Александра Сосновского, так это рокот моторов трелевочных тракторов. Они, словно красные букашки, резов ползали по крутым склонам высиженных сопок. Даже страшно за них стало: с таких круч и свалился недолго. Но к обеду все пять машин благополучно спустились на круглую площадку склада, притаившая на своих «горбах» целую гору хлыстов, и почти мгновенно уложили двадцатитриметровые столбы в аккуратный штабель.

Здесь, в Забайкалье, на равнинах лес уже давно вывели, и теперь бригады лесорубов забираются в самую гору глухую. Некоторые бригады Катангарского лесоконбината ездят на работу километрами за сто двадцать. А Сосновскому повезло — до лесосеки всего час езды на автобусе по колдобистой лесному зимнику. Летом тут злиби непролазные, так что за первый квартал нужно выполнить чуть не сорок процентов годового задания, чтобы обеспечить на лето комбинат дровесной. Зимой же сейчас у лесорубов страдание.

В бревенчатом доме Сосновский нас встретили жена Александра Люба и шустрый, круглолицый мальчишка, который тут же представился: «Селезня-калтош». Почти пять лет, как Сосновский вместе со своей старшей сестренкой Светой с гордостью показывают мне отцовские медали.

Ежегодные мировые чемпионаты

ты лесорубов обычно собирают лучших мастеров из многих лесных стран — Канады, Финляндии, Японии, Франции, Венгрии, Югославии и, конечно, из нашей, самой большой на земле лесной державы.

Участники состязания должны сначала свалить дерево точно на вбитый в землю колышек, потом за восемнадцать секунд срезать с поваленного дерева как можно больше сучьев. Причем каждый сук требуется спилить заподлицо, ни выступа не оставить, ни углубления. А за ошибку — штрафные очки. Александр ухитряется в отведенные секунды идеально чисто отрезать от ствола двадцать пять сучьев!

Следующее задание — за девятнадцать секунд собрать и разобрать бензопилу. Но и это еще не все. Надо показать виртуозное владение инструментом и отпилить от бревна тонкий диск. Спил должен получиться вертикальным и идеально ровным.

И, наконец, по условиям конкурса положено отпилить еще один диск, но уже от бревна, лежащего на деревянном настиле. Казалось бы, чего проще, если бы не одно «но»: настил нельзя даже процарапать.

Конечно, такое мастерство вызывает уважение.

За ужинком разговор пошел о нуждах лесорубов. Александр горько:

— Вот новые бензопилы получили, «Урал-2» с электронным зажиганием. Капризничают: катушка зажигания горит. Переделываешь на новый лад. Так надоевшей. А мне обидно. В семидесятом году меня в Пермь на завод имени Дзержинского пригласили. В КБ. Это когда я их пилкой на чемпионате работал. Главный конструктор Модилевский про новые пилы рассказывал, какие они хорошие будут. А теперь мои злые-злые браки нам гонят. Так и напишите, если вальщики вам спасибо скажут...

Хорошая бензопила для вальщика и пиломатериала — дело неважнейшее. Но Сосновскому всего тридцать два года, а после работы руки у него ломят. Но ведь должно, а главное, можно выбирать пилы уменьшать. Он, Сосновский, это точно знает.

...На следующий день наблюдал в такую картину. По круглому склону сопки вертикальной бороздой протянулась вырубка, с краев лес стоит нетронутый, а посередине пятиметровой полосой сучья набросаны. Где-то так, наверху,

падают по снегу две маленькие фигурки, собирают сучья и на середине вырубке бросают. А потом по этим сучьям трелевочный трактор ползает, крошит, а землю вымает. Зачем? Спросил Александра.

Оказалось — такая здесь лесозащитная зоология. Методом узких лент называется. Так сохраняется подлесок, а сучья, если они изменены, быстрее перегнивают. За четыре года такая вырубка уже осеменится, тогда и соседний участок леса можно будет рубить.

На лесосеках Катангарского лесоконбината не увидишь срубленных, но не вывезенных деревьев. И технология строго соблюдается. А ведь было время, платно предприятие несистемно крупные штрафы!

Александр рассказал мне, что перемены произошли три года назад, когда здесь возник бригадный подряд. Лесоконбинат договорился с лесниками, чтобы они каждую делницу у бригады принимали. Если найдут высокие пенные, помятые подлесок, невывезенные хлысты или другие нарушения технологии, то штрафуют уже не комбинат, а бригаду. С тех пор штрафы стали большой редкостью. Бригаду Сосновского один раз «наказали», так он до сих пор даже сумму штрафа помнит. И не денег жалко — стыда не оберешься...

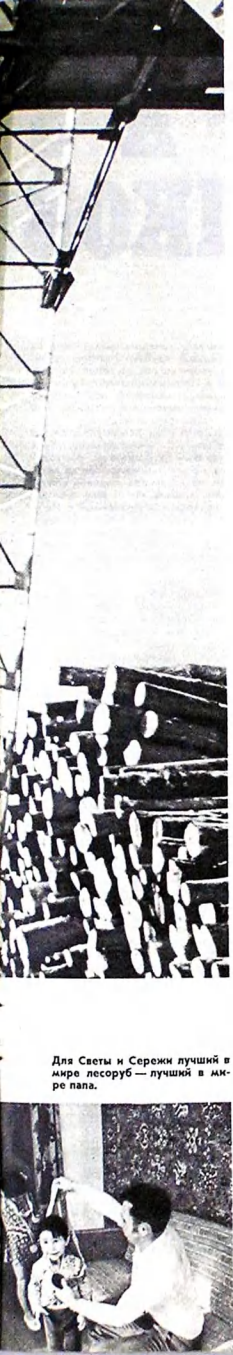
В воскресенье днем я надеялся застать Александра дома. Накауне он говорил, что будет рубить дрова, но оказалось, не для дела детского садика и школы. Обратились к нему как к депутату Верховного Совета РСФСР, и вот в выходной он с ребятами из своей бригады, Русланом Шуккиным и Василием Грибовским, взяли пилы, сели в «Жигули» и махнули в лес, на школьную делницу.

— И так всегда, — махнула рукой Люба.

...Уезжая, вспоминал я ответ Александра Сосновского на мой вопрос, как на него сменяются люди в его бригаде:

— Уезжать отсюда некуда. Только в лес, — засмеялся он. И действительно, кроме лесоконбината, нет других предприятий ни в Катангаре, ни в соседней Баяле. В местной школе одна профессиональная ориентация — заготовка золота. Можно, поэтому из маленького Катангара и выходить в свет чемпионы!

Читинская область

Для Светы и Сережи лучший в мире лесоруб — лучший в мире папа.

Юрий НАГИБИН

РАССКАЗ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

3 апреля известному советскому писателю Юрию Нагину исполняется шестидесять лет. Многие его произведения были впервые опубликованы в нашем журнале, с которым он сотрудничает не одно десятилетие.

Предлагаем вниманию читателей новый рассказ Ю. Нагина.

Кто только не писал о корриде: Проспер Мериме, Бласко Ибанес, Эрнст Хемингуэй — имена самых прославленных, имя все остальных — легенд. И художники не обходили вниманием бой быков: Гойя создал знаменитую графическую серию «Тореро», ряд живописных полотен, Пикассо всю жизнь рисовал тореро и быков. Первый вопрос человеку, побывавшему в Испании: «На бой быков ходили?» Уже потом могут спросить о Гойе, Веласкесе, Эль Греко, национальном танце фламенко и Толедо, Севилье и серенадах. И я не избею общей участи, вернувшись из страны Сервантеса: ну как, видел живых тореро? Видел, видел! Чуть не целое представление выисдел в мадридском цирке — четыре боя из шести положенных, но больше меня на корриду не заманишь. Почему? Вот об этом и поговорим.

В 1930 году Проспер Мериме писал из Мадрида: «Бой быков все еще [курсив мой.— Ю. Н.] пользуется фавором в Испании, но среди представителей высших классов редко кто не испытывает некоторого стыда, признаваясь в пристрастии к подобному роду зрелищ». Из приведенных слов видно, что Мериме предвещал скорое угасание корриды: средние классы, как всегда, потянулись из духа подражания за высшими, и бой быков или выродится в зрелище для бедняк, или вообще прекратится. Но минуло полтора столетия с письма Мериме, а коррида не думает спускать флаг, все так же гремит и сверкает ежегодный праздник Паспылоны, так же полны до отажа цирки, а перед зрителем и министрами, и генералами, и крупными чиновниками, богачи и знать, профессора, деятели искусства. Если зрелище демократизировалось, то лишь в той степени, что само общество. Неужели расширилось география корриды, охватив всю Латинскую Америку? Обобщающая шагга матадоров сверкает в Италии и Франции. И все же бой быков в этих странах не очень привлекателен, а в Испании, который был озером, идея распространить корриду по всему миру.

Любопытно, что коррида имеет настоящий успех там, где звучит испанская речь, в землях, где сделана приписка испанскому, что естественно связывается на быков и нравах, на пристрастиях и даже стиле жизни.

Будь дело только в огненном испанском темпераменте, Италия непременно стала бы второй родной корридой. Но даже женитба лучшего матадора Испании Домингита на первой итальянской красавице Лючии Боде не превратила итальянцев в рьяных поклонников боя быков. Футбол, родившийся в Англии, давно забыл о своих корнях и стал интернациональным, всемирным безумием. Коррида осталась испанской. Надо добавить, это жесткое, острое зрелище чему-то соответствует в психологии народа.

Суровые горы, шашкетная завоевателей и беспощадная борьба с ними формировали характер нации. Средние века, которые ныне так превозносятся на Западе над эзическим Возрождением за слепую и чистоту христианской идеи, поднимавшей себе мировоззрение, культуру, искусство, быт, не отличались нежностью — религиозное рвение воплощалось в пытку, казнь, крест, на которых сменялись заподозренных в ереси. Но нигде так ярко не пылали «очищающего пламя, нигде так естественно не вписывалась исцеления в пейзаж, как в Испании, нигде так не шокировали пыточные дед мастера — дробящий кости ног железный сапог нещадно прокатывая название «испанского». Костры, виселицы и застенки испанской святой инквизиции перенесли в другую эпоху, в век Мурильо и Веласкеса. При такой закалке трудно было проявить испанца божественными развлечениями. Он хотел страсти, огня, крови, игры со смертью. Он получил фламенко и хоту, пылушие бои и деревенские схватки на ножах, когда зрители делают ставки, он получил корриду. Смерть дружественно душмину жизни испанца. Его любовь — это песни и кровь. Серенада под балконом красавицы, стук мечей, распростертое тело в бледном свете равнодушной луны. «Много крови, много песней для прелестных ласкет дам...» Кровь не притупляла, а притупляла. И уж если где-то должна была возникнуть коррида, то, конечно, в Испании.

Меняются времена, но не меняются нравы. И в монархической, и в республиканской, и в авторитарской, и во вновь монархической Испании бесчисленные толпы с неискаемым энтузиазмом устремляются на корриду. И хотя мне показались, что пал вроде бы притес, не чувствовалось того накала страстей в мадридском цирке, который обществу Мериме, Ибанес и Хемингуэй, не стоит доверять этому впечатлению. Ничего не изменилось и никогда не изменится. Дело просто в том, что сейчас на арене нет великих героев, старые сошли, а новые еще не нарастили мускулов. Смена поколений как в спорте. Есть одаренные и умелые мастера, есть обещающая молодежь, есть любящие, но нет кумиров, таких, как Домингито или Ордонис, не говоря уже о Монолете. Да и коррида, на которую я попал, была вроде оперы с третьим актом.

В своей обычной хладнокровной манере Мериме воссоздавал корриду, признавая и оптимизма же жестокость. Он знал, что тогдашня на свете не захватывала меня в такой степени. За время моего пребывания в Испании я не пропустил ни одного боя и со стыдом признаюсь, что бои со смертельным исходом я предпочитаю тем, где только дразнят быков. Бласко Ибанес основательно живописал жестокость зрелища в чуть устаревшем, но очень чужом, честном романе «Кровь и

песок». Хемингуэй, очарованный эстетикой корриды, не скрывал грубую и тагостную физиологичность творческого на арене. Но сейчас на Западе о корриде принято писать с какой-то противной усмешкой, подчеркивающей несерьезность зрелища и незатрутовость автора.

Откуда это идет? Писать Хемингуэю писать о бое быков аскерз не оригинально. Куда удобнее поза этойкой усмешливой синхроничности: мол, на такие «жужжания» нас не возьмешь. Конечно, после второй мировой войны, Осенческой, Майданской, после двух атомных бомб, разорвавшихся над Хиросимой и Нагасаки, после Вьетнама, после тех чудовищных сордотриков, которыми природа напомнила о себе расползающемуся человеку, на говоря уже о всех прочих менее масштабных зверствах людей и стихий, наверное, как-то невольно унахастся тем, что убивают на арене быков, которого ныне забива бы на войне. Но вот какое дело: смерть никчемного Ивана Ильича потрясет больше, чем газетное сообщение о массовом уничтожении. Тут нет ничего индифферентного и ничего позорного для человека. Иван Ильича мы зная ем, о жертвах же массового уничтожения нам известно только число. Мы не видели их лиц, их глаз, их мук, как не видели ни одного человека, которого мы не потрясло и возмущено гражданское чувство, но оно далеко от слезного мешка. Есть и более убедительный пример. Мы не знаем тех миллионов людей, которые сменяются забивают на всех боях ирра, и тех милья телят с девичьими глазами, и тех агня и поросат, и нам нет до них дела. (Не всем, правда, — Толстому было дело, вегетарианцам есть дело.) Да ведь подавляющее большинство человечества принадлежит не к травоядным. Но быка, которого выгонят на арену, мы знаем, он агнявенный, выведенный для нас из мирового бычьего стада и обретающий индивидуальные черты. Вот он стоит перед нами, оголодный громадный шавей цирка, многолюдством шумов, но бык всеобщее, а отдельная жвача особь. Со своей, только ему принадлежащей статью и окраской, со своими рогами, копытами, хвостом и кистью, своим именем и выражением, своим характером, повадками, единственной на свете, копей не существует. Уже в первые секунды становится ясно: этот — лютый, как из одного куса слаженности, смелый, а этот — робкий, унылый, ленивый. Один ошарашен, другой гнет Игалева, третий забешен, четвертому кажется, что он не tudja попал, лучше вернуться в темный, тесный завет, а потом эти быки начинают жить померед нами, жить совсем коротенькой, но многовещающей в себя жизнью, бороться, нападая, отступая, выматывая, идаться, являть горем, робости, смелости, испытывать жажду, чую боль, возмущение, нежность, усталость, смирение, последний гнев, смертноту оторопи.

Иной бык дерется до последнего, все скользящий от крови, утихивший бандерильями, исколотый пикой, измученный мушкетой, он гибнет, но не сдаётся. А иной, горький поначе, вдруг понимает, словно угадал свою обреченность и позорную выматывает, выматывает, в которую его заставили играть.

Все так, но чувствительный этот лепет не имеет никакого отношения к садизму на каменном и позорном цирке. Малейшего сочувствия к животному тут нет. Хорошему быку

от души желают эффектной кончины, быка, не склонного подгибать своему убийце, презирают и ненавидят. Хемингуэй совпал во мнении с цирковой толпой: хороший матADOR показывает быку, чего тот стоит. Когда же быка приканчивают по высшему классу — красиво, чисто, с одного удара, — он разделяет славу матадора и, полный благодарности, отправляется в Энкамуэ заверей. При этом для Хемингуэя каждый бой был душевным событием. А нынешние западные писатели посмеиваются: любопытно, занятно, ну, какая там жестокость — чепуха!

От корриды мысль невольно обращается к охоте. Страстная и добычливая охота (тогда еще была дичь) окрасила целый период моей жизни и литературной работы. Я считал раз есть дичь, должен быть и охотник. Любя природу и все населяющее ее, я спокойно укладывал из своего великолепного «Заура» изготовившихся к любви селезеней, томительно хрюкающих альпийских в смеркающейся просеке, токующих на рассвете тетеревов и прочую лесную, озерную и болотную дичь, не испытывая угрызений совести и даже мимолетного сожаления.

Все же охотника из меня не вышло. Я так и не смог выстрелить по зверю, давал уйти взятому на цель зайцу, упустил — сознательно, — и великой ярости дружок-охотников, вышедшего прямо на мой номер лося, столь же бесславно охотился на лисич. Конечно, это едино,

что убить: глухаря, тетерева, кряку или лося, лисицу, зайца, но, ах, в четвероногих я сильнее ощущал родную кровь и не мог переступить какой-то внутренней запрет. А потом я вовсе прекратил охоту, раз и навсегда поняв, что это атавистическое занятие вредно для души. К тому же при нынешнем оскудении природы человек должен быть сорентирован в сторону прямо противоположную истреблению, конечно. Возможны и такие возражения: нельзя огулом защищать всех животных, есть вредители полей и садов, хищные волки и ядовитые змеи, таежный гнус, комары, паразиты. Но коль священна всякая жизнь, то и эти жизни защищены! Оставим в стороне соображение о том, что понятие вредности той или иной особи относительно и динамично. Вредное сегодня может оказаться полезным завтра. Останемся в державе нравственности, на заданный вопрос ответим твердо: да! Значит, нельзя убить комара, клопа, муз!.. Можно. В доказательство приведу пример из жизни Льва Николаевича Толстого, которого никак не обвинишь в легкомысленном отношении к символу его веры: не убий.

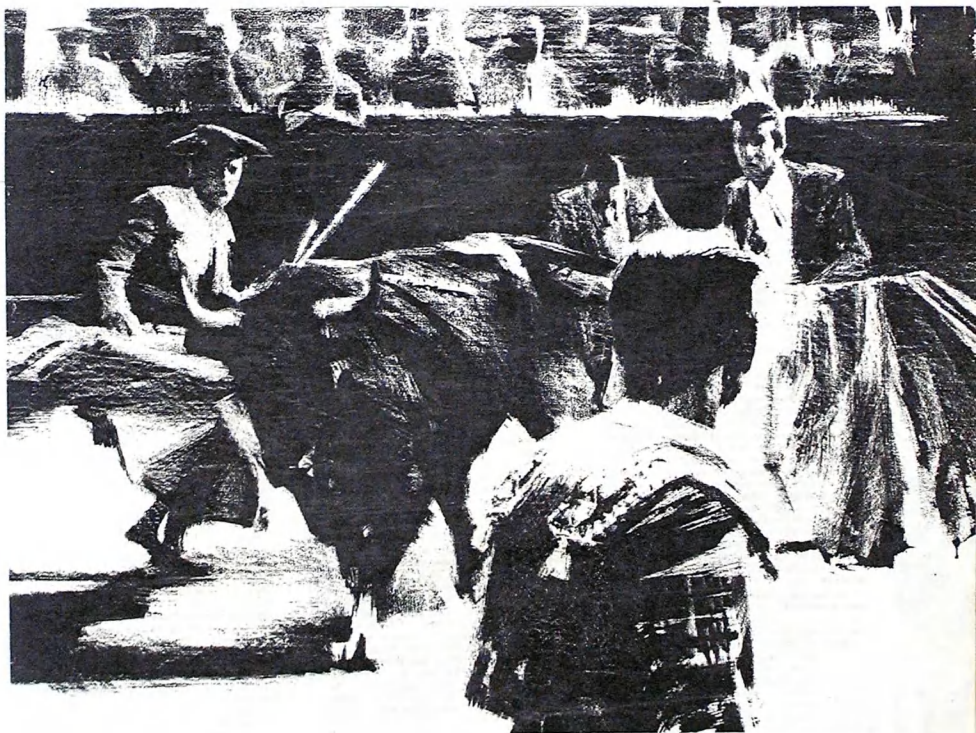
Однажды за вечерним чаем в Ясной Поляне Толстой прихлопнул комара на лбу своего гостя, друга и последователя, знаменитого Чертова. Несомненный воспитанному и сдержанному хозяину жест разозлил самолюбивого Чертова и крепко озадачил. Он решил проучить графа. «Боже мой, что вы наделали! Что

вы наделали, Лев Николаевич! — произнес он с таким страдальческим выражением, что Толстой не на шутку смутился. — Вы пролили кровь, отняли жизнь у божьей твари! Разве дано нам право распоряжаться чужим существованием, как бы мало и незначительно оно ни было!» Очень ловко, убедительно и безжалостно Чертов обратился против Льва Николаевича его же собственное учение. Толстой зажал погубленного комара и таямо сморщился. Чертов почувствовал себя отомщен. Каково же было его разочарование, когда негодующий Толстой на удаление быстро повеселел. Поймав его недоуменный взгляд, Толстой с лукавой улыбкой пояснил: «Все, что вы говорили, святая правда. Но нельзя так п о д р о б н о жить».

Точно и оно: нельзя так «подробно жить» и так педантично, кривоносово мыслить. Надо доверяться добруму, живому, широкому чувству.

Бой быков еще безразмерней охоты. Дичь имеет шанс спастись, у быка такого шанса нет. Он не может выиграть ни жизни, ни даже отсрочки. Как бы ни был он могуч, отважен, удачлив, он обречен. Он может победить матадора, пронзить наскоком рогами, даже прикончить, все равно с арены он живым не уйдет, его уволочут крочьями.

В той единственной корриде, на которой я побывал, произошел случай, когда по всем законам божьим и человеческим быка сле-

[illegible]

жонный матадор заслужил оба уха, но президент разрешил лишь триумф. Рамон обошел трибуны, потрясая в воздухе рукой и лоя левашине к нему шляпы. Зря пожадничал президент, больше поводов для награждения не было. И, усугубляемая бездарностью исполнителей, жестокость зрелища стала невыносимой.

[illegible]

Две шпиги остались в теле быка, как бандериллы, а неумело всажённые бандериллы он безразлично страшился рукой. Я ждал, что публицист, ссылаясь на авторитетную литературу, скажет мне и другой матюжок: прекрати мучения животного, но коррида, что и охала оваловно при очередном промахе, почему-то щадила неудачника. Писские истории — комьяные похождения — заставляющие зад от столпотворения сидения, не пегели на арену. А Пене — сел и шел на шел на с нарочитой бодрастью, но не было в нем ни бодрасти, ни уверенности, ни какой-то стыда и отчаяния, овладевавших матюком, а только некая неопределенность, которая поразит быка. Я сидел довольно близко к арене и хорошо все видел: на смуглом, злым потом лица была лишь тупая непреклонность, а в глазах — некая неопределенность до конца. Это его профессия, другая работа не будет, и он не может отступить. Лоск матюга сползал с Пене с каждой новой неудачей, и он становился похожим на крестьянина, у которого — крепкого, здорового — какое-то застойное дело. Быки он добил кинжалом.

немогая, захлебываясь кровью, прежде чем
рухнул.

Но самое безотрадное произошло с четвертым быком, когда снова вышел на арену любимец публики Рамон. Его бык был не так горда и тяжел, как бык Лопеса, но по бойцовым качествам еще выше. Тот не управлял своей яростью, а этот вышел драться и победить. Ему невдомек было, что и победитель тоже равно венчает смерть.

Бык со странным спокойствием принял беду дерьми, он словно не хотел расквашать себя по пустякам, а пикадора опрокинул раньше, чем тот возник в него пику. Пикадор, видимо, расшибся. Он лежал раскорячившись, как краб, в коже и железе, и над ним хлопотали служители. Неужелюбая возня кончилась тем, что пикадора унесли на руках, а лошадей уехали. За быка взялся другой пикадор, но то ли он трусил, то ли был неопытен в своем деле. Ему не удалось подготовить быка для Рамона, который совсем выдохся.

По-моему, все сидящие на трибунах знали, что удар у Рамона не получится. Так и было. Шлага встретилась кость лопатки и спомалась. Рамону подали другую шлагу. Бык ждал его, понаured лобастую голову. Но когда Рамон удерил, бык косо поспунал плечом и вышиб оружие из руки метадора. Шлага отлетела метров на десять. Нет ничего унизительнее для тореро, когда шлага валется на песок. Но Рамону пришлось испытать это унижение еще дважды. На трибунах послышался смех, грозный смех поедрезна.

Рамон медленно приближался к быку. Подняв его смуглое лицо, стекая на глаза, он резко смагивал капли. Полусонный, с опухшими, запеленными как грязью, намошенными гулом толпы, он нанес удар, и шлага вошла чуть не по рукоятку. Бык стоял и медленно, спокойно пошел прочь с торчащей из тела шлагой, охлестывая боке тугим хвостом. И тут Рамон заплакал. Он плакал на глазах огромной, раззолотой, мстительной толпы и по-деревенски утирался ладонями рукавом.

Мне вдруг показалось, что стою полный и оравный пред человека черепом спасением для быка. Ведь бык победил по всестали. Израненный, окровавленный, сестами, он выстоял, выиграл поразительную силу жизни. Пусть он и не знает, что он, из которых выстоял на арену. Пусть залечит раны, придет на пастбище, вспомнит август свежей, сладкой травы, покроет корову, пусть в телосиле на душ своей испытывает уважение к человеческой справедливости. Давайте считать, что он о ней знает. Пусть знает, что он не знает, что не знаем все равно не только о тех животных, которые нас окружают, но даже о себе самих. Одно мы все же знаем, что и мудрейшие научные теории объясняют ничтожно малую часть жизни, которую являет собой существование жизни. Мысль, что жизнь — это явленная жизнь. Мысль, что жизнь — это явление жизни. Мысль, что жизнь — это явление жизни. Мысль, что жизнь — это явление жизни.

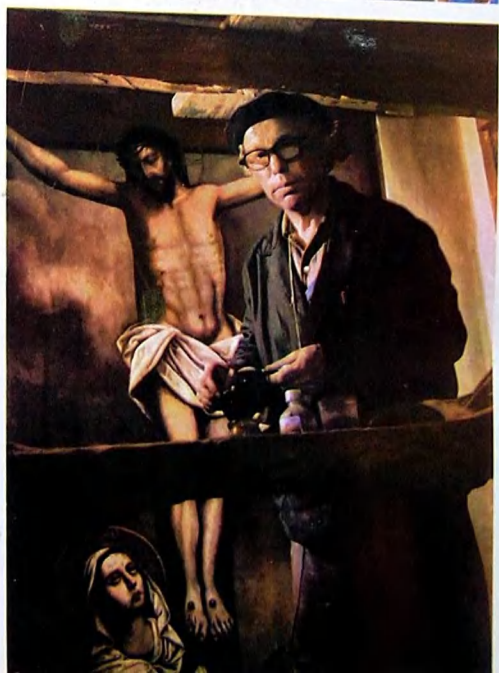
Какой там!.. Уже получил смертельный удар, шатающийся и валко переступая ногами, был остался сохнуть, обвояда глазами цирк, сповно-отел запомнить каждого и покарать непроще-нием. Он был мертв, но отказывался унести на колени перед теми, кого презирал еще своим огромным мужественным сердцем...

Вечером я видел Рамона, Пепа и Полеса в нашем отеле, где каждый из них занимал по крошечному номеру на последнем этаже. Такие номера даются обычно на ночь или на несколько суток. Бедные мальчишки! Без слов расшитых курток и поясов — просто улич-ных, поделанных газет.

В. Орешников. Род. 1904. ПОРТРЕТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ РСФСР Л. А. ЧУРСИНОЙ. 1979.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Успенский собор во Владимире. Притягивающий к себе отовсюду восхищенные взгляды, прославляющийся своей красотой и гармонией самою душою, он уже более восьмью веков гордо выстает на любовательные взоры Клязьмы-реки, как полпред былого столпоного града.

Возвещенный по указу сына Юрия Долгорукого, князя (самовластца) Андрея Боголюбского, Успенский собор (1158—1161) вместе с Золотыми воротами (1164) и Успенским храмом на Нерли (1165) должен был подчеркнуть и политическое и культурное превосходство Владимиро-Суздальского княжества среди других обособленных земель.

На постройку и укрепление белокаменного храма князь Андрей не пожалел десятков дедов своих доходов. Собор покорял современников не только внешним видом, но и ошеломил богатством внутреннего убранства: настенными росписями, иконами, драгоценными камнями. Здесь же находились святцы — икона Владимирской Богоматери, шедевр византийского искусства.

Судьба собора — страница того жекового времени: не раз от междоусобиц и нашествия врагов он горел, но вновь восстанавливался (при Всеволоде перестроенная ступенчатая) и расписывался. В 1408 году его своими fresками украсил Андрей Рублев и Даниил Черный.

До совсем недавнего времени считалось, что большая часть работ великих мастеров не дошла до наших дней, их росписи погибли. Но последние комплексные научные исследования, начатые пять лет назад Владимирской научно-художественной реставрационной мастерской и продолжающиеся сейчас, привели ряд выдающихся открытий. Найдены fresки и фрагменты росписей XII, XIV и XVII веков, в том числе и неизвестные доныне рублевские творения.

Дело в том, что в 1882 году при приглашен во Владимир реставрировать Успенский собор полковник иконописец Сафонов, слышавший мастером первой руки. Тогда предпринимались первые целенаправленные поиски фрагментов живописи. В ходе их были выявлены из-под вековых наслоений грязи и поздних масляных записей прекрасные композиции, принадлежащие кисти Андрея Рублева.

Но Сафонов не стал делать головы над тем, как их укрепить и сохранить, а, полный тщеславия помыслов, решил себя увековечить. Но какой ценой!

Он приказал подмастерьям сбить творения гения, считать

красочный слой пемзой, а затем, процарапав графью для сохранения первоначального рисунка, переписал композиции на свой лад...

И когда сегодняшние владимирские реставраторы сняли софоновские записи, то многих древних fresок и орнаментов, известных по литературным и историческим источникам, в указанных местах обнаружить не удалось.

— Хорошо, что этот новоявленный реставратор Александр Петрович Некрасов — все же проходил некоторые благоразумные: прежде чем разрушить fresки, он снял с некоторых из них уменьшенные акварельные копии. А вот Андрей Рублев, — продолжает он, — наоборот, очень бережно, с большим вниманием отнесся к произведениям предшес-

тв да ты сооружения. Молодой реставратор спокойно воспринял свою находку и вразумился, когда его наставник профессор Сычев, человек уже пожилой, пустился в пляс, и одобряюще зашагал в ладоши, узнав об этом сам академик Гребарь...

Пять лет проработал Александр Некрасов в Москве, стараясь научиться как можно большому. Когда он вернулся во Владимир, то уже был сформировавшимся реставратором со своими идеями и взглядами на искусство.

Первые его усилия были направлены на поиск надежных закрепителей, которые позволяли бы краскам «дышать» и не создавали благоприятной среды для бактерий. С этой целью Некрасов объездил признанные центры реставрации, побывал в Киеве, Вильносе, Ленинграде, Костроме, сно-

работавших по указу Всеволода, и отнесился к 1189 году. Вскоре были найдены еще два четырехметровых изображения, расписаны неизвестный ранее фрагмент значительной росписи фрески, а также, предположительно, Боголюбском. Живопись аналогична известным орнаментальным росписям 1189 года, а ее качество оказалось даже лучше, ранее найденных. Подлинный колорит, яркость и сочность красок фрески, представляющей теперь первые настенные росписи собора, сделанные при Андрее Боголюбском.

Затем открытия пошли одно за другим. И вот наконец-то в верхнем ярусе собора, под сводами, по всем четырем сторонам из-под записей, загражденных и извести показавших и долгожданные композиции фрески. Среди них: «Введение Черного: «Сошествие святого духа», «Введение во храм Богоматери», «Жертвоприношение Иоанна и Анны», «Всехсвятые». Они неоднократно упоминались в различных источниках. Но широко известна из них лишь композиция «Преображение», которая в основном была раскрыта еще в годы предыдущих реставраций. Другие же композиции представляли впервые, так как были скрыты слоими записей XIX и XX веков.

Велико же было огорчение некрасовцев, когда в процессе расчистки было обнаружено громадное количество утрат красочного слоя. Зеленая и охристая одежда пророков Илья и Моисея, лики и нимбы святых, изображения Христа и многие другие сохранились лишь фрагментами. Все эти фрески — следы «реставрации» Сафоновых.

К счастью, нетронутым на восточной щее южного пилона оказалось неизвестное изображение полотеи, принадлежавшее кисти Рублева. Раскрыты и фрагменты сохранившихся растительных орнаментов, выполненных темно-коричневой краской с сероватыми и голубыми выстилками. Над ним сохранилось также изображение князя Владимира. Он изображен в красном плаще с белым внутренним подбоем. Нижнее платье князя зеленовато-охристого цвета с геометрическими рисунками. В левой руке князь сжимает меч...

В эти дни заканчиваются работы по закреплению раскрытых росписей. Со всех fresок снимаются копии в натуральную величину. Усилия приходится предпринимать и на северной стороне, слабая красочный слой живописи, борьба порой идет за каждый сантиметр. Процесс медленный, требующий от реставраторов большой выдержки. Например, чтобы надежно закрепить одну из fresок XII века, опытным Некрасову потребовалось год. А ведь композиция «Сошествие святого духа» имеет длину 7 метров, а высота ее достигает 3,5 метра. Немного уступает ей и «Введение во храм Богоматери».

Видно, основательные и наиболее верные оценки труду владимирских реставраторов дадут специалисты и искусствоведы, но уже сейчас ясно, что начатая и раскрытая ими, живопись древних мастеров обогатит наше представление о русском искусстве, раскроет дополнительные черты деятельности и творчества великого русского художника Андрея Рублева.

ВСТРЕЧА С РЕБЕРОМ

вующих мастеров древности. Он сделал все, чтобы они как можно лучше сохранились. Рублев подправил лишь те места, где был утрачен красочный слой. На fresках XII века мы обнаруживали несколько мазков, относящихся по составу краске к 1408 году. Вспоминаю, как у Пушкина: «Гений и злодейство два вещи несовместны...»

Еще во время учебы профессор Н. П. Сычев брал его с собой в Москву для восстановления росписей Московского Кремля. Там-то и пришла первая большая удача. Он работал в храме Василия Блаженного и наткнулся на подпись, которую до него никто и многие и о чем существование выдвигали лишь предположения. Подпись стала доказательством, что храм этот построен по велению Ивана Грозного, и точно указыва-

ва в Москве. Но прошло несколько нелегких лет испытаний, прежде чем из двенадцати предложенных препаратов были отобраны и успешно применены два надежных полимерных соединения. В их отборе Некрасову очень помогла реставратор его группы, химик по образованию Л. П. Батыгина.

...И вот реставрация владимирского Успенского собора. Первые месяцы работы заставили Александра Петровича изрядно поновляться. Несмотря на многочисленные пробы и штурфы, в местах, где литературные и исторические документы утверждали нахождение fresок и орнаментов, их почему-то не оказалось. И вновь приходилось рыться в архивах, но собор снова испытывал реставраторов и проявлял, прежде чем доверить свои тайны.

И еще (зти минуты всегда необходимы) за разобранными иконами обнаруживаются сразу две fresки. Да еще камен! С изображением хороших сохранившихся фигур. При первом осмотре стало ясно, что они даже не рублевские, а более древние. Значит, их видел великий мастер, и, возможно, они ему нравились. Анализ, вскоре подтвердил, что fresки принадлежали кисти живописцев,

Известный кинофраншизный прозаик Алекс Ла Гума хорошо знаком советским читателям. Все творчество этого писателя-патриота посвящено борьбе с презрением режимом апартаида в Южной Африке. В 1979 году Ла Гума был избран генеральным секретарем Ассоциации писателей из стран Азии.

Недавно увидел свет его новый роман «Время соропуты», плод шестилетнего упорного труда...
Милые деревни насильно выселяют в «бантустан», их замки достаются горнодобывающей компании. Но крестьяне не желают мириться с произволом властей, просят вызов войскам и полиции. Шиллинг Мурине, отсидев долгие тюремные ссроны, возвращается в родные места, чтобы посчитаться с преследующим бурским помещиком Ханнисом Меуленом. В ответ на свирепые атаки Белый Коммунистический фронт не чинит сопротивление, не желая видеть приближающуюся социальную катастрофу. Но чья история не повернуть вспять, настает время «соропуты, птички-мышкины», и угнетателям придется держать ответ за их кровавые преступления.
20 февраля 1980 года Ла Гума исполнилось 55 лет. Он полон сил, творческой энергии. Последние книги Ла Гумы — несомненное свидетельство расцвета его таланта. Предлагаем вниманию читателей отдельные главы из романа «Время соропуты». Целиком в переводе на русский язык он публикуется в журнале «Иностранная литература».

ВРЕМЯ СОРОПУТЫ

АЛЕКС ЛА ГУМА

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунок П. ПИНКЕСЕВИЧА

Контра комиссара по делам туземцев помещался в одном из административных зданий, стоявших в ряд: тут и торговая палата, и управление по электроснабжению и водоснабжению. Всюду двойные стеклянные двери, завершенные выгравированым на неопределенно го цвета шторами. В конце ряда красовался полицейский участок с кирпичным фасадом, оклеенным деревянными досками, а впрочем, почти все было облупилось. Соединяла административные службы веранда, над которой помещался зал суда. Учреждения глядели окнами на пыльную площадь с церковью и лавками.

Горячий воздух струился над гаремом мостовой. Двое черных мужчин стояли на самом солнышке перед входом в контуры по делам туземцев. Один из них поправил на голове помпезную от времени панаму и сказал: — Я наперед знал, они и слушать нас не станут.

— Зато ты ему все выложил, — позавидовал второй. — Комиссар корчит из себя белого бога. Важный, как слон. — Он зарезалительно рассмеялся. Стяжка птичек вспорнула с закоханных дубов, пересекла площадь, усеянная перила веранды. — Им да столько же дело, сколько тыши птичек.

Обе были уже в латах, одеты бедно, в руках — посохи. По такому случаю они повзвали засаженные галстуки, заступили пиджаки на все уцелевшие пуговицы. Убогость их костюмов бросалась в глаза: бахромы на брючинах, мягкие, застиранные сорочки; тот, что в панаме, нацепил еще булавку на воротничок. Жалкие потуги на уважительность перед лицом белых хозяев.

Прежде чем войти в комиссариат, они тщательно отерли пот с лица — ведь им пришлось проделать долгий путь пешком. С улицы они попали в комнату для посетителей: голые стены, никакой мебели, только деревенская скамья, придвинутая к стене возле матовой стеклянной двери. За железным барьером у стола с пишущей машинкой сидел клерк. Он печатал что-то, перенатывая написанное и хмурился, покусывая когтистые пальцы. На нем была спортивная рубашка с расстегнутым воротом, видневшиеся завитки светлых волос на груди. Он даже не взглянул на вошедших. На полке в углу жужжал электрический вентилятор, размеренно поворачиваясь из стороны в сторону. Двое черных не сели на скамью, как им было следовало, а подошли к барьеру,

сжимая посохи. Сняв шляпы, они застыли в безразличных позах, ожидая, чтобы клерк обратил на них внимание.

Минутная стрелка настенных электрических часов беззвучно скакнула, и тогда мужчина в панаме, старший из них, с умыслом уронил посох.

Клерк злобно воззрился на пришельцев. Он учуял, как запахло потом и пылью — особый запах черномыслия. Ему и в голову не пришло, что они продавали долгий путь по жару; клерк был убежден, что все капризы возникли. Он собирался помурылить черных, прежде чем заговорить с ними; — эти дикие другого обхождения не заслуживают.

— Почему вы не ждете, когда вас пропустят? — процедил он. — Что у вас за дело? Позовут! Вы должны были уплатить налоги еще в прошлом месяце.

Старший наклонился за посохом, потом выпрямился и сказал:

— Дело не в пропусках и не в налогах. Мы пришли по поводу переселения.

— Так из деревни Хлангени? Но ведь болельщик начальник уже объяснил все вашему старосте.

— Мы получили письмо, — продолжал старший. — Ответ из столицы. Нам велено явиться в вашу контору.

— Письмо! — переспросил клерк, хмуясь. — Ты что, умеешь читать?

— Умею, — ответил черный мужчина, невольно унившись.

Снаружи солнце закатывалось за церковный шпиль.
— Подождите здесь, — буркнул клерк, вставая из-за стола. Он вышел в стеклянную дверь, а двое посетителей снова застыли в ожидании. Мужа, застрявшего между оконным стеклом и занавеской, жужжала, как пиле; прыгала минутная стрелка на настенных часах. Наружу двери распахнулись, и клерк пропущил вперед самого комиссара.

Комиссар, являвшийся также мировым судьей, усталый на черных. Он старался держаться на расстоянии, побоявшись запаха, приставшего к ним в пути. Если не считать пиджака из альпаки, в который он облачился, входя в контору, комиссар был воплощением неакрашленной чистоты и изысканной элегантности, от лысогого черепа до начищенных до блеска башмаков. Жара, казалось, на него не действовала, он выглядел неотуможенным и выносливым, как египетский верблюд. Воротничок сорочки сплел белозной, восковая розовые щеки с сеточкой кровавых сосудов тщательно высобили. Он глядел на двух оборванцев с презрением — как он смеялся явиться перед ним в этих неопикуемых лохмотьях!

И заговорил он с ними, как с непослушными провинциальными детьми:

— Ну, с кем пожаловали?

— Письмо, — терпеливо ответил старший.

— Какое это письмо?

— Ваша милость, мы получили письмо, где

говорится, что вы дадите ответ на поставленные нами вопросы. — И прибавил безразлично: — Так уж заведено в столице. Мы обращаемся к ним, они отсылают нас за ответом к комиссару. Довольно странный способ, ответ доходит до нас окольным путем, но не нам судить об этом.

— Ты не знаешь, права говорить так, — изменил тон, перебил его комиссар, все еще стоя на пороге. — Как твои дела?

— Кобе, меня зовут Кобе.

Комиссар, держа в руках картонную папку, посмотрел на черного и что-то записал на листке.

— За ответом пусть приходит Хлангени. Он ваш староста. — Комиссару стоило немалых усилий не сорваться на крик, в голосе его сквозил оттенок праведного возмущения. Туземцы, как дети, их надо время от времени ставить на место, напоминать, что при этом стране, кому принадлежит власть. Но черным снова заговорил, и комиссар вытирались на него, отказываясь верить своим ушам:

— Хлангени, вечно он! Но на этот раз вы брали!

— Выбрали! Да кто вам дал такое право! Как это так?

— Все в один голос высказывалось за то, чтобы послать меня.

Голова белого задергалась от нетерпения.

— Никогда вы ничего не поймете, никому не научитесь. Я и говорить с тобой не стану, потому что ты не староста. Скажи спасибо, что не выставляю тебе на зачет. — Палец его руки заходил, он поднял его, будто целясь в пришельцев. — Так вот, заявляю вам в последний раз: вы обратились в правительственный департамент с прошением отменить указ о высылке из деревни Хлангени, земли, на которой вы живете, якобы исконно вам принадлежала. Вы написали три письма и даже наняли в контору адвоката. Где это вы берете деньги на такие роскоши? Но правительство приняло окончательное решение, и я уполномочен сообщить его вам. Переселение состоится, как и было намечено. Это все.

Снисходительная сдержанность сменилась острой, как бритва, немолчаливой суровостью. — Так и передайте своим землякам, а старосте скажите, что я на него сержу за то, что он не пришел ко мне сам.

Кобе, вертя ветхую панаму в расползшихся проплеванных пальцах, негромко ответил:

— Мы передадим Хлангени все слово а слово. Но и вы, ваша милость, послушайте, что мы вам скажем от имени тех, кто нас прислал. — Он сделал паузу, перевел дыхание, взглянул на часы.

— Нам обещали, что мы должны покинуть свою землю, землю наших предков. Нелегкое это дело — свалить вековой дуб. Корни у него глубокие. Можно, конечно, взять топор и срубить дерево, это

легче, но тогда земля, которую мы должны оставить, не останется. Так что дуб придется жить на старом месте.

— Что ты такое мелешь? — сузив глаза, прошипел комиссар.

— Это все, что нам поручено сказать. Ну вот что, — отрезал комиссар, — с меня довольно, не желаю слушать этот вздор!

— Мы пойдем теперь, — сказал Кобе. — Все-го доброго, ваша милость. — Он нахлобучил поветливую панаму, его спутник шагнул в сторону, пропуская старшего вперед, и они вышли из конторы на площадь, освещенную косыми лучами солнца.

— Ты ему все сказал, — повторил тот, что был помоложе.

— Да, — вздохнул Кобе, — я все сказал. — Приложил палец к лозде, — он высморкался

УТА

я пыль. Мимо, озорно зевая, промчалась белая мальчишка на велосипед, обдавая их клубами бурой пыли, и злободно рассмеялся через плечо. Они отряхнули пыль с веткой одежды, и второй мужчина проворчал:

— Никакого уважения к старшим.

— Какой с ребенка спрос, — отозвался Кобе. — Пойдем-ка, путь не близкий, надо быть в деревне к закату.

— Пойдем, ты ему все сказал.

Они пересекли площадь, вздымая фонтанчики пыли; оседа, она затягивала следы их дырявых башмаков.

Тяжелые доски потолка провисли, в нем появились трещины. И все же какая ни ешь, а кришна над головой! В комнате был старин-

ный буфет с литыми чугунными ручками на дверцах и ащиках, опоясанный поперу фарфоровым орнаментом. В хрустальной вазе пылились искусственные цветы. На побеленной стене, в оплывшейся багетной раме — большая выцветшая фотография мужчины в старинном мундире, похожем на адмиральский. Это был отец Хлангени, который сподобился однажды побывать на аудиенции у самого генерал-губернатора. Рядом еще одна фотография — на ней Хлангени, совсем юный.

Хлангени забился в потовое кресло, отдаленно напоминавшее трон. В нем трудно было узнать юношу, который позировал фотографии на фоне пальмы в кадке, облокотился на высокую тумбу. Он сидел без поджак, накинута на спутные плечи старую сачину. На резном столнике горела керосиновая лампа с бронзовой подставкой, хранившаяся в доме еще со времен его матери. Свст лампы играл в его седых волосах; в глазах табачного цвета видны были гнев, заботы, усталость и печаль. Темные пальцы перебирали ворсинки шерсти, глаза, прикрытые складками кожи, уставились в пространство. Обеденный стол и стоявший на нем графин с водой тонули в полумраке. Несколько дверей вели в другие помещения; из-за зашторенного окна доносились приглушенные голоса, стрекот сверчков и стук топора. Хлангени удивился: и кому это приспичило работать среди ночи?

Входная дверь внезапно отворилась, в комнату проник отблеск звездной ночи, запах костра. Потом на пороге выросла дородная фигура его сестры. Хлангени разглядел ее сверкающие белизны мелкие зубы.

— Можно к тебе! — спросила она, затворяя за собой дверь.

— Ты и так уж вошла, — ответил он не без раздражения и потупился. — Приходишь и тебе, когда поменяешь, говоришь, что уходишь.

Тяжело ступая, она приблизилась к нему, мужские ботинки застучали по убранным-мному земляному полу.

— Тсоне родила двойню, нашла время! Мужко ее в городе.

— Ближецы! — буркнул Хлангени. — Раньше бы все радовался доброму предзнаменованию. А теперь это два лишней рт. Твоими брудновыми проповедями их не накормишь.

Она грузно опустилась на кушетку рядом с его креслом.

— Придется поручить Тсоне с новорожденными твоими заботам.

— Мне теперь только и дел что стирать пеленки да возиться с младенцами...

— И стариками! — сурово закончила за него сестра. — Ни на что другое ты не годи. Кто знает, может, двоициш, когда подрастут, станут твоими послушными подданными. Роженица не в состоянии идти с нами; те, кто остается, должны будут приглядывать за нею. Он посмотрел на сестру, подпоясанную мужским ремнем, и губы его сжались в ухмылку.

— Ты их все приведишь прямиком в преисподнюю, вот увидишь!

— А не лучше ли, — резко перебила его Ма-Тай, — угодить в ад, но сохранить достоинство, чем терпеть унижения в нем? Если они хотят прогнать нас отсюда, пусть явятся и побегут за нами по горам.

— Что это там рубят? — спросил Хлангени, пальцы его все бегали по олову.

— Мужички строят баррикаду, — ответила сестра. — Мы не пропустим сюда их грозу.

— Какая глупость! — вскричал Хлангени. — Что это вам даст!

— Набед, наконец, в себе хоть каплю мужества, — ответила она, печально глядя на брата. — Твои предки выходили с копьями против рукей.

— И были истреблены, — внезапно вспыхнула гнева прошла, голос его снова стал тусклым, безразличным.

— Да, они были разбиты, но не истреблены. Ты знаешь это не хуже меня. Настанет день, когда и у нас будут рукей.

Лампа закоптелась, запало жарко. Протянула большую руку, она привернула фитиль.

— Тупости, — повторил Хлангени, в сгущившемся мраке. — Всей этой ерунды ты нахваталась в городе. Уж оставалась бы там. Ты наш злой дух.

— Меня, как тебе известно, отсюда выслали. — Она устала в дальний угол, окутанный мраком, словно увидела там кого-то. — Я полюбила город. Мне не хватает его шума, отголосков кипучей жизни. — На мгновение она словно отключилась, погружающаяся в свои

мысли. Калейдоскопом мелькали воспоминания...

Вот она едет в пригородном поезде, длинная веренице вагонов третьего класса грохочет на стыках. Как обычно, вагоны биты, набиты черными тряпками; после трудового дня их развозят по полянкам и отдельным поселкам. На жестких деревянных скамьях и в проходах, обитых дерматином, люди сидят даже в окнах, выставив наружу затыл. Смелых едут на буферах и сцепах, держась за каждый выступ. Поезда раскатываются на стыках, пассажиры шепчутся, глядя в сторону, они толкают друг друга, цепляются за соседней, стараются удержать равновесие, чертыхаются, хочут, лица блещат от пота, возду в вагоны таежасты, спорят, ставят немыслимые телами. За окнами проносятся богатые предместья, чистенькие коттеджи под черепичными крышами с аккуратно подстриженными живыми изгородями; иногда попадаются особняки, окна в них сияют, вокруг — лужайки и клумбы. За предместьями начинаются пустыри, городская свалка, автомобильные кладбища, похороны на поле битых. Поезд сбавляет скорость возле покосившихся бараков. Выходит. Они жмутся друг к другу, словно боясь устать. Вечернее солнце играет на ржавых крышах и бочках для воды под уродливыми навесами. Трубы, трубы, трубы, поднимаются в воздухе вагоны, набирая скорости, рассекая ажур за ажром, точно лесной пожар, несутся мимо застывших сомкнутых рядов унылых двухэтажных домов, загромождаясь из блоков, крытых асбестом и жесткой: серые, безликие геометрические фигуры под нестерпимым покрывалом туманной дымки, повисшей в сумрачном небе.

У замусоренной станционной платформы двери вагонов распахиваются, точно раскрывшиеся раны, люди темными густыми вываливаются наружу и, переполняясь, вытесняются к выходом. Толпы анонимно, но зато со смехом. Работники торпачатся забавно добираться до своих лагун.

Женщина с сумкой, набитой каким-то хламом, толкает Ма-Тей в бок; впереди мужчины в ярдом комбинаже балансируют с грузом досок на плече. Он свистит и покрикивает, требуя, чтобы ему уступили дорогу. Все спешит, людской поток обтекает ее, словно рекой валун.

Людям сегодня позволено — нет прощенья пропусков, и толпа растекается во все стороны под надзоромными оком двух дежурных полисменов, сидящих в кабине «лендровера». Стекла машины затянаты толстой провололочной сеткой. Черный констебль с копьем в руке стоит спиной, поставив ногу на бампер.

Она игриво здоровается с констеблем, но толпа устает ее мило патрульного автомобиля, увлекая в уличку, обремененную двумя радями совершенно одинаковых домов. Она — чистые толпы, ее дом — в одной из этих конурок с пыльным кликом земли перед входной дверью, обнесенный изгородью из прутьев и проволоки, окруженный — кучи сланцевой земли, битая черепица, пустые консервные банки. Внутрь — копать и сама по углем, стены в трещинах.

Это не крошечная уличка, смех, возвращение домой, жареное тесто, разминок рубчик, кислая каша, толпа вчерашнего хлеба, дети в познатых за лебками, запах дыма с пропаленных дров.

Людям все это до смерти надоело. Они незнакомы от усталости, вечного безделья, постоянных облив и проверок. Изголодавшиеся человек средь бела дня заходит в лавку в центре города, схватил с прилавка чипленко, выскочил за дверь и съел его тут же, на тротуаре, на глазах у омерзевших от изумления покупателей и продавцов. «Он устал голодать», — думала она. Об этом говорят в замызганных заводских столовых, у фабричных ворот, во дворах, на митингах; пишут об этом на стенах, на заборах, на деревьях... — Вождя положено слушаться! — кричал Хангени, преврав ее мысли.

Они очнулись, выше услышали треск цикад и стук топота, поглядыва на брата с кушетки, на которой едва упирались. Он жавил перед

ней в полумраке, забившись в кресло, беспорочно поводя руками, словно пытаясь собрать в кулак остатки мужества, гордости, достоинства. Осунувшееся лицо подергивалось от напряжения, на нем не осталось и следа былой величественности.

— Вождь, конечно, вправе рассчитывать на послушание, — сказала она с отменком сострадания. — Но ведь сам ты смеялся, когда тебя назначили старостой. Позволил им отнять у тебя звание вождя. Сначала тебе даю права и власть над людьми, потом отбирают. И ты идешь от них послушания.

— Времена изменились.

— Заво, это так, теперь другие времена. Раньше вождь прислушивался к словам своих советников. Потом пришли белые, и вождь стал в их руках марионеткой, чьей была судьба. Вот народ и говорит: «Если вождь — это только кнут, отшвырнем его!»

— Я оправданно жду от несправедности.

— Вот как! Почему ж мы тогда не вылезали из бед?

— Но нам дают новую землю вземем

эту, беспомощно проворобатал Хангени.

— Новая земля? Ты выходишь? Разве она на ней трава? В ней ли зарыты кости наших предков? Там ли прах нашей матери? Что, если ты захочешь посягнуть и парализовать у меня кость, — он встал, чтобы вырваться. Пойдем к ним за разрешением! О великий зомби и господин, — скажешь ты смиренно, — я хочу пообщаться на отцовской могиле, дайте мне землю, которую вы не можете отдать. Она твердиль: «Я вождь!» — Она разлетелась, хоть ей это стоило немалых усилий. Ученному дню, она посмотрела на него сверху — Ма-Тей. — Ма-Тей же в себе мучество, хоть и кепло!

Тяжело ступая, она подошла к двери, опустила руку на засов и оглянулась на брата. Его слезы расплывались в мерцающем свете лампы. Протерев глаза, он сказал: — Я велела пастуху отогнать овец в горы. И прежде чем выйти, еще раз пристально взглянула на сутулость в кресле старости. — Ма-Тей, — прошептала она, — не распускайся вслух. — Когда мы поем, гимны богу дождя, белые нас высматривают, а теперь сами устраивают молебны...

Конвой фермерских грузовиков с полицейскими «лендроверами» впереди катил по проселку, колеса шуршали по сухому мелкому песку, песчинки стучали в лобовые стекла и днища. Сбоку от дороги, в полях торчали терновые деревья с ветвями, похожими на скрюченные руки. У неровного, скопанного горизонта, окутанного густой дымкой, знойской жарой, отсвечивало джунгли. Грузовики, идущие по хмельному, покачивались вдоль основания берега иссохшего ручья, пока не произошла вынужденная остановка. На окраине деревни, недалеко от крайних домов, дорожку прегардиг поваленные каменные деревья.

Сержант, ехавший впереди, разглядел за баррикадой несколько сгорбленных старческих фигур, — точно грубы, — наскоро вырытых из дерева, они сидели на порогах глинобитных построек. Но тут прямо на его глаза в тени деревьев выросла толпа, привлеченная шумом мотора. Сержант с беспомощным подумал, что все это неспроста.

— Пошлим! — буркнул он клерку из комиссарнаты по делам туземцев и выскочил из «лендровера». Клерк, успешившись переодеться после молебна, был уже не в строгих костюмах, а в спортивной рубашке и шортах цвета хаки. Он с некоторой опаской взглянул на сержанта, зная, выбравшись из машины с другой стороны, зная, что офицеры и начальники не любят, когда между жид бед. Грузной походкой он подошел к поваленным деревьям, глаза закрились злобой из отвисших складок кожи, позо-

жих на использование пакетики для заварки чая.

— Что это все значит? — крикнул он туземцам, — женщина в домохотном платье, переразрванном комбинезоне, — он узнал в ней сестру старости — замалала. Но ведь он донес ее зачный годик.

— Не советую вам подходить ближе. Сержант как воспарил, застыл у баррикады. Он невольно подчинился ей и сразу осознал, что допустил ошибку: ему надлежало при любых обстоятельствах — сорвать присутствие духа и невозмутимость, явившим своим видениям уважение к закону. Чтобы исправить положение, он притворился, будто не узнал женщину.

— Ты кто такая? Я с тобой говорить не желаю. Где Хангени? Разве вам неизвестно, что сегодня вы должны покончить деревню! Почему навелены деревья на дороге! Мы пригнали за вами грузовики.

— Они не поддаются! — крикнула женщина, и шара не удела в его сторону. — Никуда отсюда не идем. Ваш судья предупредил.

— Я не буду тебе слушать, — холодно процедил сержант. — Где староста, где Хангени? — спрашивал он уже у толпы. — Не обращай внимания на эту женщину, она только сеет смуту и несправедности.

Ему откликнулся черный мужчина, которого звали то ли Кобе, то ли как-то еще в этом роде:

— Нет, большие Хангени, мы отказываемся его признавать.

Толпа пришла в движение, заропотала, потом черные снова застыли.

— Здесь происходит! — Сержант едва не шагнул вперед, но увидел, что Ван, не раз и не два было сказано: сегодня вы перебиваете на новое место. Он ткнул пальцем в сторону клерка с палкой. — Со мной приехал наш представительственный барон. Хангени уже читал ее.

— Начальник, — глядя на клерка без всякого почтения, заметил Кобе. — Молод еще для начальника.

— Ты обязан уважать представителей правительства, — резко одернул его сержант. — Хватит валять дурака, велись своим людям грузить вещи в машины.

И тут женщина громко рассохоталась.

— К чему эти лишние разговоры! Убирайтесь-ка сами отсюда!

Толпа снова застыла, раскисавшая в такт мелодии. Сержант, выйдя из себя, схватился за кобур, стал ее рассматривать.

В толпе появились явдур раздался воинственный клик, уполоконец, какой-то юнец заступился перед сержантом. Камень, пролетев мимо, но клерк струсил и побежал, роняя бумагу из папки, официальные документы разлетелись во все стороны по песку. Выхватив револьвер, сержант шагнул в воздух, в ответ на него обрушился град камней. Клерк, как ужаленный, вскопал в кабину «лендровера», и в этот миг услышал камень угодил в проволочную сетку в лобовом стекле. Водитель влопыхал заводилы моторы, заскрежетали рычаги передач. Толпа подальше вперед, и клерк заступился по кабинетам и красным кузовам. Сержант, восторгаясь, встал на кобру, в ответ на кобру, и повернувшись, заковылял к «лендроверу». Одному ему с ним не справиться, надо вызвать подкрепление. Кто мог подуть вухи в лобовое стекло, обматывали? Он спускался перед этими бабунями в отряпках. До чего же мы дошли!

Камень сбил с его головы форменную фуражку, и она покатилась в пыль вместе с бумагами клерка. Он добрался до «лендровера» и тяжело плюхнулся на сиденье, прятаясь в бронированной кабине. А камни летели из-за покатенных деревьев, стуча по металлическим частям кузова, пролетая над крышей, разрывались, буская в стекла. Колеса дмулись назд, в город. А толпа грянула им вслед причудливо, чуждую ую белого песню.

Перевел с английского Виктор РАМЗЕС.

Исполнилось 75 лет доктору искусствоведения, лауреату Государственной премии СССР И. С. Зильберштейну. Вот уже полвека идет лет он тесно сотрудничает с «Юношью», публикуя на наших страницах интересные очерки и исследования, посвященные отечественной культуре. Почти полвека И. С. Зильберштейн руководит крупнейшим научным изданием — «Литературное наследство», инициатором которого он является. Ирано Андроников писал: «...многие исследователи должны сказать спасибо И. С. Зильберштейну за горы материалов и широко прославленные труды».

В эти дни наш корреспондент побывал у Ивана Самоиловича и задал ему несколько вопросов.

ДЕЛО ДУШЕВНОЙ ПОТРЕБНОСТИ

— Что вы считаете основным делом своей жизни?

— Моя первая литературоведческая публикация была напечатана в начале 1923 года, когда мне еще не исполнилось 18 лет. Отдельные издания моих исследовательских работ стали появляться с 1926 года; первой из них была вышедшая в том же году в «Библиотеке «Юношья» книжка «Из бумаг Пушкина (новые материалы)». С той поры и до настоящего времени я печатаюсь свыше двухсот литературоведческих и искусствоведческих статей и размышлений, а число моих книг и подготовленных изданий доходит до двадцати.

Но тем не менее с того времени, когда в марте 1931 года благодаря помощи М. Е. Кольцова я смог приступить к осуществлению мечты моих молодых лет — начать издание сборника «Литературное наследство», посвященных публикации неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли, это издание стало основным делом на протяжении всех 49 лет моей дальнейшей жизни. Подготовка все новых и новых томов «Литературного наследства» остается и по сей день моей первоочередной работой.

А начинать ее пришлось с пу-

стого места, с нуля, имея в качестве помощника лишь машинистку. Но вскоре в работу включились С. А. Макошич и, наконец, наш многолетний совместный труд по подготовке томов «Литературного наследства».

В течение последних двадцати лет все замыслил новые томы, которые хочется выпустить в свет, разрабатывая и осуществляя совместно с доктором филологических наук Л. М. Розенблюм. Это не только настоящий товарищ, но и превосходный исследователь, для которого, как и для меня, труд по созданию новых книг «Литературного наследства» является делом самой душевной потребности.

— Имя из вышедших томов «Литературного наследства», в подготовке которых вы участвовали, наиболее памятно вам?

— Многие десятилетия, в создании коих я принимал активнейшее участие, неизменно выявлял для каждого из них неизданные материалы, все мне по душе, так как их тематику определял сам. Но, конечно, имеются и наиболее любимые.

Это прежде всего вышедший в 1934 году, на заре существования этого издания, том 16—18-й, посвященный А. С. Пушкину. Подготовкой его и вместе с И. В. Сергиевским. В семи разделах тома 55 статей и публикаций, в основном

сделанные на ранее неизвестном материале; принадлежал это перу 40 исследователей. В книге около 1200 страниц, 340 иллюстраций, в том числе ценные и фототипные. Большую радость доставило то, что мне удалось добиться принятия Гознаком, лучшей типографии Советского Союза, изготовления книги. И, конечно, приятно, что она до сих пор остается незаменимым пособием для всех тех, кто занимается изучением творчества биографии великого поэта и литературного дименция того времени.

Очень теплые воспоминания остались у меня от интенсивной работы над тремя книгами «Деятели — литераторы», одна из которых была посвящена опубликованному первого издания моего исследования о писателе и художнике Николае Бестужеве. Много труда потребовалось также обобщить чехословацкий том (в нем около тысячи страниц и 205 иллюстраций). С большой любовью я делал два горьковских тома нашего издания — «Горький и советские писатели. Незданная переписка» и «Горький и Леонид Андреев. Незданная переписка»; второй из этих томов мог бы создать лишь благодаря тому, что мне удалось поглотить из Новомосковского университета (Нью-Йорк) фотографии 93 писем Горького и Андрееву, а из Швейцарии фотографии находившихся там десяти писем Горького к тому же адресату. Много лет я занимаюсь изучением творчества И. С. Тургенева (печатаю мои книги о нем вышла в 1928 году — «История одного вражда. Переписка Достоевского и Тургенева»), поэтому

радостью была для меня работа над двухтомником «Литературное наследство» И. С. Тургенева; фотографии писателя, сделанные и опубликованные его художественными изобретениями, автобиографическими записями, литературной «Игры в портреты» и переписки были получены мною из Франции с правом первой публикации.

— Имя Л. М. Розенблюм мы выпустили три тома нашего издания, посвященные Ф. М. Достоевскому. Хотите отметить, что первые два тома были переизданы за рубежом в переводе на английский язык.

— Конечно, еще об одном из ранее вышедших наших томов, память о котором мне очень дорога.

В эти дни, когда прогрессивное человечество отмечает 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина, вспоминаю и тот наш том — по общему номеру, который по моему предположению был подготовлен нами и совместно со мной в Ленинградском филиале и спустя некоторое время выпущен в свет: «В. И. Ленин и А. Б. Луначарский. Переписка, документы, материалы».

Подобная часть непечатаемых материалов публиковалась впервые. Там, из 265 писем, вошедших в первый раздел, около двухсот ранее были неизданы (вступительная статья и тому — нашего главного редактора Б. Р. Щербины).

— Над какими новыми томами «Литературного наследства» вы работаете?

— Если для этого издания трудиться добросовестно, а не делать вид, что работаешь, то необходимо вести одновременно подготовку нескольких томов. Именно так я работаю, готовя первые книги «Литературного наследства», так тружусь и теперь.

В настоящее время уже сверстан 31-й том «Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века)», и вскоре он выйдет в свет. Это исследование академика М. П. Алексеева. Рад, что в результате проведенных мною на протяжении многих лет размышлений удалось обнаружить не только в наших государственных архивах, отделах рукописей и личных коллекциях интересные материалы по этой теме, но и получить их из-за рубежа. Большое удовлетворение принесло мне то, что все отысканное обогатило превосходное исследование Михаила Павловича, к тому же он является первым в мировом литературоведении, посвя-

Машину держит в Лужниках, А сам живет на Пресне.

Юрий БЛАГОВ

Когда его ни попроси О реке, хоть и малом, В конце концов берешь таксИшь, дущь пешеходом.

Приобретать машину я Не стал... и вот причина: Хороший друг есть у меня, А у него — машина...

Машина

Приобретать машину я Не стал... и вот причина: Хороший друг есть у меня, А у него — машина.

Зимой поставил на прикол, А чуть нахнется лето, Глядишь... прикол или протокол, А то и то и э-то.

И с гаражом дела никак Не делится, хоть тресни,—

Еще о наследственности

Творческие личности у нас, Вопреки моральным нормативам, Дебоширят в классике подчас, Привыкнув фразой

«...по мотивам». Все там исковеркано зазря, Сдвинуту, нарушено и смято. Неужем, милое говоря, Ничего для личности не свято? Я хочу гипотезу одну Выдвинуть, историю затронув: Уж не ли бы предки в старину

гробницы фарфоровые..

ценным изучению этой проблемы.

Следующий том «Литературного наследия» Блока — «Избранные Блок. Новые материалы и исследования» — будет состоять из четырех книг, в которых участвуют 70 литературоведов. Вместе с Д. М. Розенбум подготовили мы этот том. Его объем — 200 листов и 400 иллюстраций. Это будет пока единственная в своем роде энциклопедия по Блоку, равной которой никогда не было. Мы выпускаем этот том к 100-летию рождения великого русского поэта.

По предложению академика М. Б. Кривичева мы приступили совместно с Архивом Горького и подготовке двухтомника «Незданный Горький», куда войдут ранее оставшиеся неизданными: его творческие и эпистолярные тексты. Многие такие материалы мне удалось отыскать в Париже. А самой сложнейшей из тех задач было авторграф нежданного письма Горького к В. Л. Ленину, отправленного с Капри в феврале 1908 года.

Наряду с Ф. М. Достоевским, Д. М. Розенбум и И. С. Тургеневым самым популярным за рубежом писателем был Александр С. П. Чехов. Вероятно, нет такой страны, где не издавались бы его произведения, не ставились бы его пьесы. С полным основанием можно утверждать, что драматург Чехов ныне завоевал зарубежную сцену. По предложению директора Института мировой литературы (органом которого и является «Литературное наследство») члена-корреспондента АН СССР профессором мы приступили к подготовке тома «Чехов и мировая литература».

Я могу рассказать еще о ряде томов «Литературного наследия», которые хочется опубликовать в ближайшие годы. Но ограничусь лишь названием двух из них: «Незданный Лесков» и «Анна Ахматова. Новые материалы и исследования». А так как в будущем году исполняется полвека со времени выхода в свет первого тома «Собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина» готовит по моему руководству путеводитель «Литературное наследство» за пятнадцать лет. Мне хочется выразить сердечную благодарность нашего коллегам-руководителям и редакторам издательства «Наука», которые делают все возможное, чтобы наши тома были достойно выпущены в свет.

Илья Самойлович, пожалуй, — неземной слезой о ваших искусствоведческих трудах.

— Они занимают немалое место в моих исследовательских работах. На протяжении ряда лет я изучал творческий путь И. Е. Репина. К столетию со дня его рождения подготовил и выпустил две книги, посвященные взаимоотношениям русской литературы и русского изобразительного искусства: «Репин и Горький», другая — «Репин и Тургенев». Напечатан ряд статей. Затем принялся за создание двух репинских томов «Художественного наследия», вышедших под редакцией академика И. Э. Грабаря и моей; в двухтомнике восемь моих исследований, работ, общий объем которых превышает 25 листов.

На протяжении ряда лет А. Н. Соколов и я переписывались с жившим в Париже замечательным живописцем и художественным критиком А. Н. Бенуа. После его кончины в 1960 году мы подготовили «Александр Бенуа: размышляет...», в которую вошло его литературное и эпистолярное наследие с 1917 по 1960 годы. В 1959 году чеховским томе «Литературного наследия» я впервые обнародовал со своими комментариями и вступлением

воспоминания художника Константина Коровина «Из моих встреч с А. П. Чеховым». А в 1971 году вышла в свет подготовленная мной и В. А. Савиным объемная в 900 страниц книга «Константин Коровин вспоминает...».

Могу назвать и другие мои искусствоведческие работы, но наиболее близким моей душе является исследование «Художник-декорист Николай Бестужев». Отыскав в 1945 году считавшуюся утраченной портретную галерею декористов и декораторов, созданную Бестужевым на картоне, состоявшую из 76 акварелей и принадлежавшую ему самому, я впервые рассказал о своей находке в конце 1950 года в «Огоньке» в связи со 125-летием со дня декористов-восстания. Мои поиски других художнических работ Бестужева увенчались успехом. И в 1956 году появилось в виде второй книги 60-го тома «Литературного наследия» первое издание моего исследования.

Я считал, что вышедшее в 1977 году второе, дополненное издание этой работы, для которого на протяжении многих лет проводил дальнейшие поиски, является Бестужевым, начиная от Кяхты и кончая Парижем, отмечено в ноябре прошлого года высокой наградой — Государственной премией СССР. Принищу сердечную признательность всем тем, кто откликнулся добрым словом на это нахождение.

Передо мной — подготовленный сотрудниками Государственного музея изобразительных искусств и вышедший в 1973 году каталог западноевропейской части нашей коллекции в здании, описание ее русской части музей томе завершил. Как сложилось наше собрание рисунков, акварелей, картон? Русская живопись и графика пленяла меня с юношеских лет. А всевозрастающая любовь и отечественному изобразительному искусству ознаменовалась тем, что в юном возрасте я занимался, именуемой коллекционированием. В том же 1922 году мне удалось достать два рисунка Бориса Григорьева — они положили начало моему собранию. Уме тогда, как и до сих пор, высоко ценя замечательные достижения мастеров из славной плеяды передвижников, я с большой теплотой относился и лучшим созданиям художников объединения «Мир искусства». Вот почему в моей коллекции, пополнением которой занимался свыше полвека, наряду с произведениями Репина и Сурикова, Боголюбова и Шиншарова, значительное место занимают работы Александра Бенуа и Добужинского, Васнецова и Кустодиева, Середкина и Коровина...

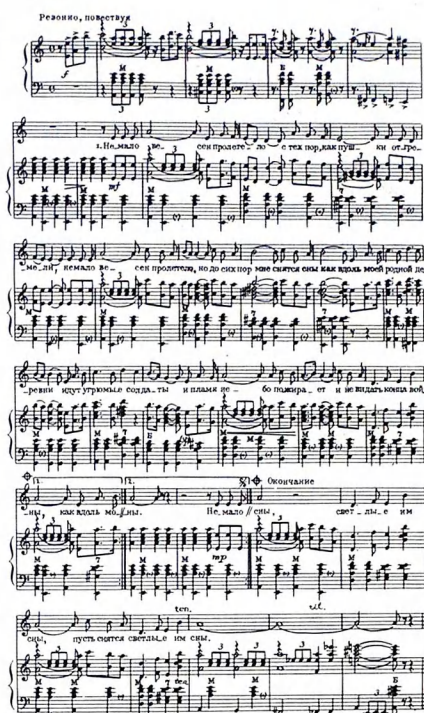
Что же касается дальнейшей судьбы моего собрания, то считаю себя любящим личным коллекционером, интерес художественный или мемориальный, исторический или познавательный, она должна стать собственностью Родины, взвешивая нас, сделавшей возможным развитие того, что стало потребностью нашего сердца. Думаю, что такая единственная возможность сберечь плоды огромного труда настоящего, истинного коллекционера...

...Находясь ответственными скульптор М. М. Антокольский писал в 1893 году: «...все мое радости, все, что вдохновляло меня, что создало мной, — все это от России и для России!»

Отдав изучению и прославлению моего родной русской литературы, изобразительного искусства 57 лет своей жизни, из которых уже 49 лет беспрестанно создала том зримому моему изданию «Литературного наследия», и само себя...

— Служу отечественной культуре.

Беседа провела А. ЕФИМОВ

ВЕСЕННИЙ РОЙНЕ

Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО

Стихи Б. ПАКА

Немало весны пролетело
С тех пор, как пушки отгремели,
Немало весны пролетело,
Но до сих пор мне снится сны,
Как вдоль моей родной деревни
Идут угрюмые солдаты,
И пламя неба пожирает,
И не видать конца войны.

Немало трав отзеленело
С тех пор, как пушки отгремели...
Немало трав отзеленело,
Но к матерям приходят сыны:

Как на перронах расставались
Они последний раз с матерью...
Казалось, вечность пролетела,
Но вдовы ждут мужей с войной!

Немало весны пролетело
С тех пор, как пушки отгремели...
Нам не забыть, как шли до Эльбы
Во имя мира и востановления,
Пусть о войне не знают дети,
Пусть слезы матери сохнут,
Пусть вечно детям светит солнышко,
Пусть сыны счастливо им сны.

2 раза

ЗНАКОМЬТЕСЬ— ЖУЖА КОНЦ

Иррасный автомобиль резко затормозил у дома. Из машины неторопливо вышел стройный борзодатый мужчина, а за ним высочила, словно распрямившаяся пружина, тоненькая девушка в джинсах и, тряхнув длинными волосами, сказала: «Я — Жужа. Это — мой мум, драматург Мимлош Бодинар. А вы — «Югеник»? Здравствуйте! Там состоялось наше знакомство с одной из самых популярных венгерских исполнительниц эстрадной песни. Конечно, лучше всего было бы побывать на концертах Жужи Конц, но... мы не увидели в Будапеште афиши о таком концерте.

— И не могли увидеть! — сказала певица. — А все дело в том, что моя жизнь поделена на две половины. Одна — когда я выступаю дома, в Венгрии, вторая — когда езжаю на зарубежные гастроли. Она вынашивает перед нами все свои двенадцать долгоиграющих пластинок.

— Пожалуйста, выбирайте любую и слушайте!

Мы выбрали ту, которая начиналась веселой, ритмичной песенкой о будапештском метро. «Искренили клоун», «Потери», «В легком палаток — так назывались маленькие песенные рассказы, которые мы услышали. Нам захотелось узнать, как находит свои песни Жужа.

— СOMET — вот о чем я думаю, когда пишу новую песню. Конечно, музыка — душа песни. Но какая она? Богатая или бедная? Об этом рассказывает текст песни, и очень важно, чтобы они не противоречили друг другу! Если слова песни меня не волнуют, если сама я не верю, то уж тогда песня у меня ни за что не получится. И я пишу такую песню, которая бы соответствовала моему характеру и моим интересам.

— Значит, все песни, которые ты пишешь, — твои любимые?

— И сомнению, нет! Порой я исполняю песни, которые нравятся моим слушателям, а для себя я бы выбрала другие.

В репертуаре Жужи Конц немало народных песен, которые исполняются в современной манере. Случайность ли это? И вообще, что значит для эстрадного певца быть современным?

— Об этом я часто размышляю. Бывает, что и поспоро с дуэлистами-музыкантами, с которыми я кошла в мир песни. Так же, как и я, они оставили свои профессии и посвятили себя целиком песне. Янош Броди, друга своим стремлением дарить людям хорошие песни. Мы побывали на гастролх почти во всех европейских странах. Были в СССР, на Кубе, в Японии, США, Канаде, Бразилии, и всегда нам хотелось, чтобы, услышав наши песни, люди разных стран хотя бы чуточку лучше узнали о нашей Венгрии. Я убеждена, что у эстрадной песни должен быть свой, национальный характер, а морни его — в классическом наследии прошлого — я вижу мою родную Венгрию!

Прошлое... Это маленькая деревушка неподалеку от старинного города Эгерт. Здесь в семье медсестры и учителя венгерского языка родилась девочка, названная Жуиой. И хотя давно уехала семья из той деревушки, а в памяти Жуиой Конц она осталась разбросанной яриии красками детства.

Настоящее... Любимая работа. Вот они, стоят на нижних полках призы, полученные на международных фестивалях в Париже, Дессае, Берлине, Софии, Сопоте.

А будущее? Каким она себе его представляет?

— Ни за что не расстанусь с песней! Мовет... со временем буду готовить для эстрады новых венгерских песенок... Жизни без музыки не представляю!

Н. ЦВЕТОВА

Фото А. НАГРЯЛНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Вечноезеленый кустарник семейства вересковых. 6. Кусочек свиной, пластмассы с клеем на приборе, товаре, закрытых дверях. 8. Летательный аппарат с реактивным двигателем. 10. Русский путешественник XVIII века, исследователь Камчатки. 11. Дикий мят. 13. Овальная дощечка для смешивания красок. 15. Инициатор современных методов труда. 16. Сооружение для столбов и технического обслуживания автомобилей. 17. Оптический верхний палубе судна. 21. Немецкий химик XIX века. 18. Палестина на чужом языке. 25. Атомный реактор. 28. Участник спортивной команды. 31. Музыкальное сопровождение. 32. Морская птица, обитающая в тропиках. 33. Химический элемент, металл. 34. Прибор для определения расстояний.

По вертикали: 1. Девяная осыда. 2. Равнобедрен. 3. Певец, народный артист СССР. 4. Птица семейства утиных. 5. Фигура высшего положения в искусстве. 11. Действующее лицо оперы Ш. Ф. Гуно «Фауст». 12. Северное созвездие. 13. Композитор, автор балета «Сказ о цыганском цыгане». 14. Областной центр в РСФСР. 20. Договор, соглашение. 22. Искусный подражатель, артист. 23. Искусственная племь. 26. Герой поэмы А. С. Пушкина. 27. Город в Узбекистане. 29. Перечень, список. 30. Картина А. А. Пластова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 2. Куржовка, 6. Молескан, 10. Консерват, 11. Крона, 13. Аршин, 15. Детройт, 17. Сноп, 18. Плот, 19. «Благодарности», 22. Горн, 23. Тимн, 24. Абрабат, 25. Монок, 27. Орион, 28. Прессшпан, 31. Намерзон, 32. Цирконий.

По вертикали: 1. Бумеранг, 2. Вочка, 3. Ахны, 4. Сорг, 5. Кабра, 6. Баринрок, 8. Петропавловск, 12. Наркисыни, 14. «Реттеринг», 15. Долгота, 16. Трипоет, 20. Солончан, 21. Питомник, 26. Опера, 27. Олимп, 29. Емют, 30. Приз.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Во время вручения Генеральному секретари ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Бронецу Ленинской премии за книгу «Малая земля», «Возрождение», «Целина».

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: У монумента Общественной на горе Гелерт всегда многолюдно. СМ. в номере материал «Тридцать тысяч весна».

Фото А. НАГРЯЛНА

Главный редактор — А. В. СОФОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. И. БАЙТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный бухгалтер], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

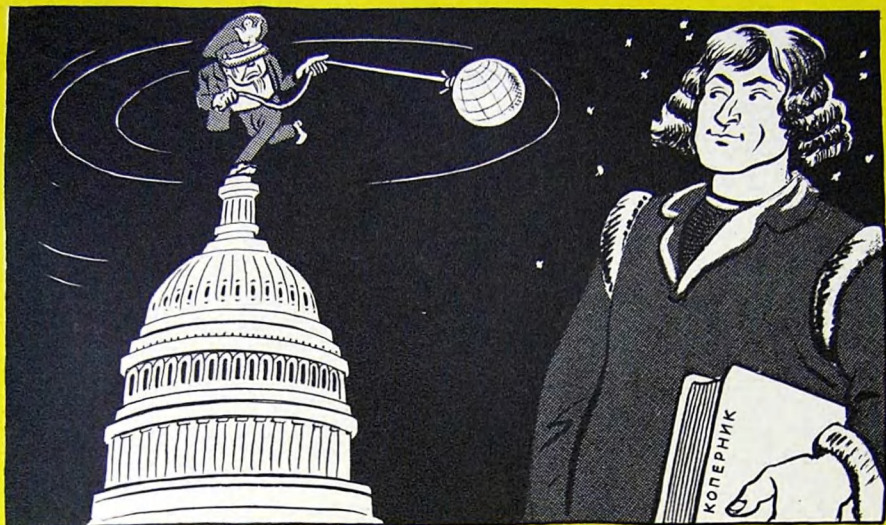
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Формирование А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Реферативный и новостной — 212-23-03; Редакционно-издательский — 212-30-03; Социально-политический — 250-24-21; Искусств — 250-46-08; Литературный — 212-14-07; Военно-патристический — 250-15-33; Наука и техника — 212-14-07; Юмор — 212-14-07; Спорт — 212-21-15; Фото — 212-21-15; Информационный — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приносов — 212-21-15.

Слано в набор 17.03.80. Подписано и печатно 01.04.80. А 03348.
Формат 70 x 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.00. Уч. л. 3.11.55.
Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 762. Знака № 2067.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125065, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Новая «астрономическая система» Пентагона.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

«Неспортивное поведение».

«Узелок на память» после очередной конференции ЕЭС.

ISSN 0131-0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

